

Жорж Милославский. Бабочка под сапогом

Юрий Ра

12+

Юрий Ра
Жорж Милославский.
Бабочка под сапогом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67867740

SelfPub; 2024

Аннотация

Четвертая, но не последняя часть походов Жоржа Милославского, рассказанных мне им лично. Меч в руке – это здорово! А если в руки попал автомат или ракета? Какая ракета, не так важно, главное, чтоб ноги не отдала. Нам еще бабочек ими топтать. Да Жорж и Нагану рад будет. СССР пока не пал, а Карфаген должен быть разрушен. Кто погибнет первым? Всё непростое, Жорж вляпался в альтернативку.

Содержание

Глава 1. Подъём-отбой	4
Глава 2. Присяга	17
Глава 3. Увольнение	29
Глава 4. Полевой выход	43
Глава 5. Когда есть куда вернуться	56
Глава 6. Боевые будни ПВО	68
Глава 7. Разговор	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Юрий Ра

Жорж Милославский.

Бабочка под сапогом

Глава 1. Подъём-отбой

«Двадцать третий взвод, подъем! Стройся!» – и сразу захлопали одеяла, зашуршали затопали стекающие с коек на пол товарищи, моя койка тоже заметно качнулась. И как в такой обстановке заснуть? Ладно бы, разок-другой, но эта фигня уже десять минут длится! Скачут солдатики туда-сюда как кузнечики, табуретки задевают. Шумят, короче.

– Черновалюк, угомонись уже! Спать мешаешь! – Главное, другие взводы в нашей батарее уже лежат посапывают, только сержанты не отбились, цирк наблюдают, а наш взвод скачет. Это младший сержант Черновалюк, полгода как отслуживший в Советской армии и пару недель как с лычками учится управлять вверенным взводом. Дело полезное, кто против? Но не после отбоя же, я спать хочу. Еще одна такая команда, и я слезу со второго яруса, пойду порядок наводить.

Кто я? Ну вы, блин, даете! Быстро вы забываете старых знакомых. Курсант двадцать третьего учебного взвода второй батареи воинской части 20651 Жорж Милославский. По-

чему курсант? Дык карантин еще, курс молодого бойца, до присяги чуть не месяц. А после уже рядовым стану. Восемнадцатилетний статный молодец дюжего росту, косая сажень в плечах, лицом чист, бел и речист. Перевести ежели на понятный язык, сто восемьдесят шесть сантиметров роста, девяносто килограмм мышц и костей, русоволос, за словом в карман не лезу, за семечками тоже. Так бы погибель всех девок, но круглое рязанское лицо, слегка простоватое, полные губы и маленький нос оставляют им иллюзию шанса на мирный исход обнимашек.

Вот только девок тут нет, тут портянками пахнет, зенитная ракетно-артиллерийская учебка. Что примечательно, земля пока наша, но если всё будет идти, как всегда, то несильно надолго. Прикарпатье, Шепетовка, а по-ихнему Шепетивка. Если вы вдруг спросите, а вы спросите, что я тут делаю, ответ будет пафосным и чертовки верным – отдаю священный долг Родине. Как только в восемьдесят шестом мне восемнадцать стукнуло, так сразу и призвался в Советскую Армию. Повезло, а то могли в армию и не взять. Зам. военкома лично грозился Военно-Морским флотом и тремя годами долго. В смысле, тремя годами отдачи воинского долга, а это долго.

До своего призыва я работал в Туле в обкоме ВЛКСМ и параллельно учился на заочном в Ленинградском физкультурном техникуме. А совсем уж параллельно развивал историческое фехтование в России. Считалось, что в Союзе, но

меня на весь Советский Союз не хватало. Ну что, вспомнили меня? То-то же.

После исчезновения с горизонта товарища Онегина поддержка ЦК ВЛКСМ как-то слегка подослабла, но совсем уж не прекратилась. А Онегин... ни Саенко, ни тем более я, даже не пытались узнать, что случилось с ним. Ну как не пытались, сперва чуток поспрашивали. В аппарате ЦК ответили, что «товарищ Онегин перешел на другую работу. На другую. Нет, не знаем». Вот только один маячок и дали, назвали не гражданином, а товарищем.

Примерно год спустя после пропажи Онегина, двадцатого апреля восемьдесят пятого года, то есть на месяц позже отмеренного ему срока, отбыл догонять своих предшественников товарищ Черненко. Ввиду полного отсутствия нашего дорогого Михал Сергеича, который тоже отбыл, бразды правления принял очередной член политбюро Романов Григорий Васильевич, в моей прошлой жизни, выпихнутый на пенсию Горбачевым сразу после своего воцарения. Шестьдесят два года дедуле было тогда, совсем старик Романов. Сарказм.

И вот тут мы подходим к моей трагической судьбинушке. Я закрыл третий курс в своем технаре и вернулся с сессии в Тулу. Двух дней не прошло с моего возвращения, являются эти:

– Здравствуйте, где мы можем видеть Милославского Жоржа Николаевича?

– Вот прямо тут, узрите, я это он!

– Пройдемте, гражданин!

– Так сразу и гражданин? Тогда удостоверение пусть один из вас предъявит, а то мало ли кто форму милицейскую напялить может.

– Не нагнетай, парень. Можем и под руки сопроводить. И в наручниках.

– Сначала предъявляете документ, потом поясняете, на каком основании пытаетесь задержать инструктора обкома ВЛКСМ. А потом уже посмотрим. Я тут пару лет назад и сам задерживал одного шустрого, мне наряд вызвать недолго.

Предъявив друг другу красные книжечки, продолжили общение на более низком градусе. Оказалось, меня разыскивает военкомат. Если верить их словам, они забросали меня повестками, а потом привлекли милицию для розыска уклониста. Посмеялся конечно, но прогулялся со служителями закона до военкомата. Вот там и пошла очередная заруба. Таких призывников с эскортом оказалось семь человек. Какой-то мелкий майор, не «микромайор» младший лейтенант, а настоящий майор, но маленький возбужденно вышагивал по небольшому залу со множеством сидений и потирал руки от нетерпения: «Вот он, резерв ставки! Золотой фонд вооруженных сил! Сейчас мы вас мигом отправим в действующую часть! Родина ждет своих героев!» Если бы дело происходило в следующем веке, то я бы решил, что майор под веществами. Но здесь вам не там, видимо его накрыло служебным

рвением до экстатического состояния. Мои невольные сосотарищи нервно посматривали по сторонам, я же беззаботно взирал на шоу и похмыкивал.

– Вот ты! Ты, лоб здоровенный, показывай своё приписное удостоверение! Сейчас мы выясним, что у тебя за отсрочка нарисовалась.

– Начальник, дома моя ксива! Когда мусора замели, на работе был, примус починял!

– Ничего, мы тебя и без приписного призовем. Сейчас военник в зубы и под конвоем в войска!

– Вот хрен там, начальник, я несовершеннолетний.

– Видали мы клоунов и поярче, бодро шагающими в такие зелены, откуда письма приходили позже, чем они сами возвращались. Паспорт давай!

– Я на работу без паспорта хожу, меня так пускают. Чай, не государственную границу охраняю. Удостоверение хочешь глянуть, только из моих рук. Я кому-попало ксиву в руки не даю.

– Ну-ка, что у тебя за ксива? Обком ВЛКСМ Тульской области инструктор отдела? А когда тебе восемнадцать исполнилось?

– Через две недели только будет, дядя. Тёти ваши совсем мышей не ловят, я смотрю.

Сиди здесь, все сидите. Вот вы сейчас на медкомиссию пойдете, а твое дело, Милославский, я дам команду найти, разберемся. Сам ушел, а пара милиционеров осталась, но

других, не тех, что меня вязали.

Через час, когда я сидел в зале уже один, даже без охраны, пришел майор. Он уже не потирал руки, но был слегка зол:

– Милославский, зачем мы тебя вызвали?

– Вы меня не вызвали, а доставили с милицией. Видимо, хотели тем самым показать, как вам плевать на Тульскую комсомольскую организацию или просто перепутали что. Все вопросы к вам.

– Я тебя запомнил и пометочку себе сделал! Имей в виду, как только восемнадцать исполняется, ты сразу идешь на флот, я организую. А пока вот, ознакомься под роспись.

Подсунутая мне под нос повестка была оформлена по всем правилам, она обязывала меня явиться на призыв двадцать первого июня. Корешок требовал моей подписи о вручении. Раз такие дела, расписался в получении. Я не шибко боюсь службы, и я не уверен, что в обкоме поймут, если попытаюсь прикрыться ими и закосить. Тем более, что прецедентов небось не было, у нас несовершеннолетние не работают. Еще Миша Саенко в отпуске оказался до кучи. Таким вот образом через две недели я оказался на городском сборном пункте, а потом и в сапогах.

Смотрю, сержант наш сам не угомонится, пора его подлечить. «Черновалюк-зараза, отбивай взвод, спать мешаешь!» Видимо, до него дошло, что крик доносится не от сержантов, а из той части кубрика, где вверенный ему взвод только что лежал, а сейчас там нет никого. Но кто-то орет. Шлёп-шлёп,

решительно шлёпают тапочки в мою сторону:

– Боец, я не понял!

– Да я не сомневался. Что ты не понял, что отбой в части объявили? Так вот – объявили. Спать не мешай уже!

– Подъем, боец!

– Да, похоже придется слезать, сам ты не угомонишься. Так ведь, Олег?

Под смех совзводных и рычание сержанта спрыгиваю со второго яруса. Какой же я неловкий! Пяткой попадаю в подъем стопы своего командира и одновременно локтем ему в переносицу. Локтем не целился, как на духу заявляю! Ну он сам виноват, стоял так близко, что сигать пришлось прямо на него. Поднимаю болезного и выволакиваю на середину расположения. «Парни, помогите его в умывальник отвести, ударился наш Олег» Ну да, голова опущена, из носа кровь капает, ногу волочит – классический случай ударившегося воина. А неплохо наш младшой сложен, спортсмен. В учебках кого-попало в сержанты не оставляют. Или умных технарей, или лосей-бегунов.

– Чем ты его?

– Я? Пальцем не тронул. Просто с кровати спрыгнул, а он не отошел. Олежа, сам идти можешь? Помогайте, он ногу зашиб.

– Это чего такое, боец? – подтянулся сержант Резиханов из первого взвода.

– Да вот так вот, сплю я, никого не трогаю, вдруг под ухом

крик «Подъем!», я спрыгиваю, а подо мной младший сержант стонет. Вот, зашиб чуток.

– Это ты командиру взвода втирать будешь. Ты не охренел на своего сержанта нападать, душара!

– Так и он даже не черпак, такой же дух, только полугодка. Погоди, сержант, надо бойцов отбить. Парни, спать ложитесь, чего встали на проходе? Отбой был. Пом.деж. по части придет, а у нас шатания – непорядок. – И снова Резиханову – Что там у тебя за вопрос был? А то мальчик тяжелый, нам его в умывальник еще тащить.

Слегка оторопевший сержант смотрел, как двое молодых уводят отмываться от крови своего командира отделения. Его, конечно, из старослужащих никто не уважал, Черновалюк молодой еще, да и не за что, но бить командира отделения на глазах у всех – перебор. Опять же с такой наглой ухмылочкой, мол ничего особенного, сам виноват. Бить этого кадра сейчас при всех – не вариант, стуканет кто-нибудь, будут проблемы. Бить в умывальнике? А вдруг в одиночку не справится, вон он бугай какой, мышца на мышце. И не культурист, явно. Нехорошо получится, если и ему достанется от духа. А компанией бить – надо договариваться. И вообще – не его боец, пусть Володька Глодан расхлебывает.

Западная Украина, лето, жара. Из бойцов нашего взвода делают операторов самоходных огневых установок зенитно-ракетного комплекса 9К37 «БУК». Получается плохо, нам успевают дать самый минимум – материалы апрельско-

го пленума ЦК КПСС. В остальное время копаем котлован под новое овощехранилище, разгружаем вагоны с кирпичом, квасим капусту. Оказывается, чему-то учат в учебке только осенний призыв, летний отработывает барщину. Ну и ладно, надеюсь, нам наши отсутствующие знания в бою не потребуются. Это раньше я знал примерно, куда мир катится и в какой ямке валяться будем, а сейчас только надежды.

Несколько лет назад, попав на хроносафари, я случайно сошел с тропы и раздавил бабочку. Сапогом. Сам не понял, как так вышло, но бабочка была жирная. А потому растер подошвой, чтоб не воняло. В результате маемо шо маемо – очередного Романова на престоле и небольшие изменения во внутренней истории. Я не шибко в этом шарю, но вот навскидку, что смог уловить: ускорение и перестройку не назначили, но гос.приемку ввели. Продовольственную программу как-то тянут, да только без особых результатов. В магазинах продуктов не прибавилось. Кооперативное движение представлено, как и прежде, одной потребкооперацией, никаких нэпманов не появилось, а вместе с ними нет копченой колбасы пяти сортов, буженины и окороков на базаре. Никакого снижения напряженности в мире, зато Чернобыльская АЭС не рванула еще. Или рванула, но тихонько, чтоб мы не слышали. Какие-то перестановки и уходы на пенсию в Политбюро мне вообще до фонаря, не мой уровень. Кого-то из руководителей национальных республик всё-таки посадили, но тоже тихонько. Не говорить же вслух, что

высшие партийные чиновники воруют. И также шепотком шла информация, что в этих республиках эти посадки сильно не понравились местным баям, бабаям и князьям, теперь басмачи своих подзуживают. Все два года до призыва меня преследовало такое ощущение, что катастрофу поставили на паузу. Мы ме-е-едленно сползаем в пропасть, так медленно, что вместо воя ветра в ушах скрип днища по песку. Петя, Петя, что мы с тобой натворили? Поживем-увидим.

История с упавшим на младшего сержанта курсантом продолжения не получила. Ну стоял на утреннем построении Черновалюк с опухшим носом, но и нос опух не сильно, и командиру взвода было слегка по барабану, какой там нос у командира отделения. А заместитель командира взвода, замок по-солдатски, сам носил шнобель не меньших размеров, он считал это нормальным. Опять же от лейтенанта инструкции не поступили. Наш ком.взвода вообще на службу забывает, даже не каждый день его видим.

Главное, чему курс молодого бойца учит, не выпёрдываться вперед и вверх, перематывать портянки при любой возможности и обязанностям дневального. Забыл, еще же нужно ходить в ногу. Со временем эти умения становятся рефлекторными. Еще один нюанс – по одиночке по территории части ходить нельзя. Только строим, только со старшим, только по делам. А по средам еще и с противогазами через плечо. Почему враг пытается нас травить только по средам, я так и не узнал, но офицеры врать не будут. Мотание портя-

нок для меня лично вещь привычная, чай в прошлой жизни оттоптал положенное. Даже смешно, периодически снилось, что опять призвали, а вот сбылись сны. Бегал я на гражданке почти каждый день, отжимался просто каждый, пресс накачан, так что проблем с физухой быть не должно. Но не могло их не быть – это же армия. Если бежит взвод, то и прибегает взвод, а кто не может бежать, того тащат. Если упражнение на пресс, то дружно обняв соседей за плечи, и ежели они сдохли – поднимай себя и соседей. То ли круговая порука, то ли взаимовыручка.

Вот что не обязательно солдату уметь в Советской Армии, так это метко стрелять. Солдат как милиционер, одним своим видом внушает ужас врагу. Или смешить до смертных коллик в животе. Вторая неделя лично для меня прошла спокойно, хоть и выкладываться приходилось, подтаскивая на ремне самых слабых во время ежедневных полукроссов. Поднимать по ночам наш взвод перестали, Черновалюк смотрел в мою сторону без особой ненависти. Однажды, правда, чуть не сорвался, но я сам виноват. Во время хозработ начал дрючить взвод на предмет повышения производительности труда, заодно и по мне прошелся матерком. Моя вежливая фраза «Рот закрыл, душара!» сломала в нем какой-то шаблон. Он сначала привычно заткнулся, потом что-то вспомнил и дернулся за сатисфакцией, а тут уже и лопата в руках солдата. Держу обратным хватом, чтоб его правую руку атаковать и жду. Но нет, не дошло до спарринга.

В тот вечер после отбоя меня позвали в умывальник поговорить старшие товарищи. Так бы по-хорошему кистенек любимый прихватить, но в трусах и майке его не особо спрячешь. А идти общаться как разбойник какой, покачивая гайкой на шнурке неприлично.

– Э дух, ты чо, службу понял?

– Через плечо не горячо? Когда на меня шинель шили, твою мамку в школе дразнили! – подниму ставочки, покер так покер.

– Мужики, это что, теперь все душары такие резкие?

– Товарищи сержанты, мы тут в остроумии соревноваться будем или меня бить? Подходи по одному.

– Чего, смелый такой?

– А кого бояться? Вы же сами знаете, что месилово вам не простят, в дисбат парочка пойдет при жестком результате, а влегкую я драться не собираюсь. Так что решаем, не стоим.

– Ты больной совсем? Тебя поговорить позвали. Бить пока не планируем. Пока.

– А, ну тогда говорите, да я спать. А то так жрать охота, что повалял бы дивчину помягче да подольше.

– Хорош! Ты не из самодеятельности?

– Я из спорта. И из комсомола.

– Не много о себе думаешь?

– Думаю, не остаться ли в батарее обеспечения в вашей части или податься в войска после учебки. Уж больно хреново тут кормят.

– Мы не об этом. Ты чего на Олега буром прешь?

– Я не знаю.

– Что не знаешь?

– Не знаю, как слово «гондон» пишется, через «О» или через «А». Вроде по русскому четверка, а путаю.

– Во ты шутник! Нет, правда, не задирай его, а то мы вроде как обязаны вмешиваться. Ты по ходу боец правильный, жалко будет почки тебе опускать.

– Ну это еще суметь надо так, чтоб потом самим уцелеть. А про вашего младшего – кто-то ему должен объяснить, что измываться тупо над первым периодом это поганое дело. Гнилой он, Олег ваш. Вы не поправите, я отрихтую. Так что парни – всё в ваших руках.

– Ну это не тебе решать.

– Если насчет меня, тут советую пока не спешить с решениями, меня могут хватиться по комсомольской линии. Вопросов много будет.

Была такая мысль, что Саенко приедет из отпуска и будет волосы на груди рвать – у него на два года тренера забрали и работника отдела плюс руководителя направления. Так-то можно попытаться что-то придумать, пусть выкручивается. Я ему помогать не стану, у меня отпуск. Короче, разошлись краями, как говорят в таких случаях. Что при этом имеют в виду, не знаю.

Глава 2. Присяга

Про отпуск не смейтесь, здесь сон по распорядку, физическая нагрузка не выше, чем я сам себе даю. Телевизор? Я и на гражданке в этом веке не смотрел фильмы на этом жутком экранчике. Привык организм в следующем веке к жидкокристаллической панели с диагональю 182 см и натуральной цветопередаче. А программу «Время» нам в расположении в обязательном порядке показывают ежедневно и по команде. Вот только с питанием очень не очень. Капуста и картошка огромными кусками плавают в воде – первое. Картошка и капуста лежат без воды – второе. Только кисель зачетный. На днях видел со спины парочку, медленно перемещающуюся в сторону столовой – два прапорщика. У обоих щеки висят над погонами и видны сзади, начальник продовольственной службы части и начальник столовой. Вот куда уходит наш паек – в эти щеки. То-то им идти тяжело было. А я вот худеть начал, организму не хватает калорий, с этим надо решать что-то. У меня лишних килограммов нет.

Комсомол на меня вышел с другой стороны. Комсорг второй батареи, старлей из второго взвода забрал на построении после завтрака в свой кабинет и начал пытаться:

– Курсант Милославский, у вас в характеристике какая-то ерунда написана, давай разбираться.

– Вы с какой целью интересуетесь?

– А разве непонятно? Я комсорг батареи, отвечаю за правильное ведение комсомольских документов.

– Так мы как комсомольцы разговариваем? Тогда давай на «ты», меня зовут Жорж, а тебя?

– Милославский, не много о себе думаете?

– Ты не знал? В комсомоле так принято. В ЦК ВЛКСМ мы тоже друг к другу всегда на «ты».

– Я Артур. Так ты что, реально в обкоме работал? У тебя там какая-то заоблачная характеристика, я уж подумал, ты сам поглумился, из головы понапридумывал.

– Да нет, там всё верно написано. Участвовал, привлекался, состоял. Награжден именной саблей.

– Чего-о-о?

– По результатам Первого всероссийского турнира по историческому фехтованию «Меч России» меня наградили именной саблей за вклад в развитие спорта.

– Офигеть про войну! А тут ты тогда что делаешь?

– Честно или придумать красиво?

– Нет уж, давай честно.

– Схлестнулся с зам.военкома, так пока начальство в отпуске, он меня тундру стричь послал. А в Москву жаловаться неудобняк, я лучше отслужу как все, чем просить что-то для себя буду.

– Гордый? Или глупый?

– Да понемногу всего. Я ж всё наперед знаю про эту жизнь. Сначала жить буду, а потом умру. Так чего по углам щемить-

ся? Главное – что ты про себя думаешь, а не что люди скажут.

– Послушать тебя, дурак дураком, а на дела посмотреть – прямо Корчагин!

– Угу, литературный персонаж, облако, рожденное чьим-то воспаленным воображением.

– Красиво говоришь. Пишешь?

– Изредка. Но не издаюсь.

– Мирославский, а у нас с тобой проблем не будет?

– У вас не будет. А военком сам себе злой Буратино.

– Почему злой?

– Так я про огнеметную систему.

– Какой комсомолец пошел просвещенный.

– Вы же читали, отдел спортивной и оборонно-массовой работы. Мы там про оборону много чего знаем. Кое-кого за речку инструкторами посылают.

– Сам в Афганистан не думал проситься?

– Анкета неправильная. Отец под оккупацией был, родственники за границей есть. Таких не берут в космонавты.

– А то бы пошел?

– Подумал бы, насколько я там могу пригодиться.

– В качестве кого?

– Инструктора обкома. По огневой подготовке.

– Что-то можешь?

– Учить могу. Курировал несколько лет соревнования по практической стрельбе. Слышали?

– В Туле? Как же, слышал! Тульская школа практической

стрельбы из пистолета. Говорят, наверху решают, есть ли смысл в военных училищах вводить этот курс.

– Дело полезное. Особенно для зенитчиков-ракетчиков.

– А нам чем полезно?

– Начнись война, ракетные дивизионы в первую очередь вырезать будут, если линия фронта позволит. Сквозь рыхлую оборону просочатся и пойдут резать как хорьки в курятнике. А вы все беззубые.

– Жорж, перегибаешь.

– Угу. Допустим, у тебя есть пистолет с патронами. Сколько тебе надо секунд, чтоб положить ворвавшуюся сюда диверсионную группу?

– Откуда я знаю, задаешь ты загадки. Не было такой задачи.

– Что и требовалось доказать. Никто не готов к войне в стране. Ты как к бандеровцам относишься?

– Как-как, никак не отношусь. Нет их.

– В Карпатах нет? Внезапно поумирали? Я вот две недели тут, а анекдоты уже слышал не раз. Местные вполне сочувствуют.

– И что те анекдоты? Глупость.

– Анекдот есть отражение ментальности общества, в котором он рождается. Согласен?

– Не знаю. Говорят, их в американских институтах сочиняют, чтоб нас разлагать.

– Точно, Артур!

По итогам беседы Артур точно доложится наверх, это часть его работы – сообщать о всяких интересных и нетиповых ситуациях к комсомольской ячейке. А мне что, солдат спит, служба идет.

– Милославский, чего тебя комсорг вызывал? – замок Глодан взметнулся выяснять ситуацию. Мелкий, узкоплечий, с клювом как у орла, но умный, видимо.

– Спрашивал, как мне служится, всем ли доволен. Интересовался, чем я могу помочь части при моем-то опыте.

– Я серьезно.

– Так и я не шучу. Мы с ним комсомольцы, одна шайка-лейка. Товарищ сержант, вот вы комсомолец, вы чем готовы помочь своей части?

– Да пошел ты, комсомолец! Ты из этих что ли? Из активистов?

– Не, я из тех.

– Тьфу, иди строиться. Взвод, в две шеренги становись!

В батарее много москвичей, половина в очках – такая особенность военной специальности и партии, почти все в нашем взводе. Позабирали конкретно сюда студентов технических вузов после сессии и выпускников техникумов после диплома, считай, что последняя партия в наборе. Короче говоря, сплошь умники. Парни без гонора, не шибко спортивные, к портянкам не приученные, тянуться не готовые. Но это ерунда, обтешутся. Только показателей по физподготовке от них не надо ждать. Уже пятеро из взвода освобождены

от кросса и хождения в строю по состоянию здоровья – кровавые мозоли и шпоры, растущие внутрь пяток. В столовую и обратно ковыляют группой сзади строя как пингвины. Одно радует – им выдали кеды, так что страдания их не смертельны. На Рэмбо не похожи будущие защитники неба. Если бы учебный процесс шел так, как задумывался, сержанты бы не нарадовались на таких курсантов, схватывавших матчасть боевых машин на лету. Но ситуация такая, что главный физический принцип на сегодня «Бери больше, кидай дальше, отдыхай, пока летит»

Вечер, личное время, проводим его с Серегой из Москвы на спортгородке, добираем нагрузку на руки. Он нетиповой москвич, культурист и без очков, хотя и студент. Его кумир – Арнольд Шварцнеггер, не тот, который актер и Терминатор, а культурист и Мистер Олимпия. А фильм этот в СССР еще не видели, но Шиханов уже слышал про какой-то крутяк с его божеством в главной роли. Удивлен, что я так хорошо знаю Арни, а пересказ сюжета вообще ввел бойца в экстаз. Качаем плечи, один вещает, второй слушает, бдительность на нуле. И тут как гром с неба:

– Взвод, фамилии, чем занимаетесь? – полковник, а у нас он тут один, командир части.

– Тарщ полковник! Курсанты двадцать третьего взвода Милославский, Шиханов! В личное время занимаемся физической подготовкой по индивидуальной программе!

– Смотрю, у нас культурист завелся! Как бицепс со-

рок шесть накачаешь, отпущу на дембель. Хочешь в части остаться?

– Так точно, тарщ полковник – Серега аж светится.

– А ты по какому спорту, курсант, чем занимаешься? Суховат для культуриста.

– Историческое фехтование. Тренер и кузнец.

– Хм, богата земля русская талантами. У нас оставаться не надумал?

– Кормят у вас плохо, товарищ полковник! Прапорщики не по чину воруют.

– Ты не охренел, курсант?

– В столовую внезапно загляните на обеде, товарищ полковник. Только совсем внезапно, когда пайка уже разложена.

– Не пайка, а обед!

– Нет там обеда, баланда там. Пайка и есть.

– Молчать, когда командир части спрашивает! Кругом, бегом марш, чтоб я вас тут не видел! – нас уговаривать не надо, мы и бегом можем.

Бежим в ровном темпе, по пути общаемся:

– Жорж, вот это ты выдал! Теперь тебя с говном сожрут.

– Я что-то неверно сказал?

– Да всё правильно, только прапора те небось и ему заносят.

– Нормальный полкан не попустит, чтоб его солдаты голодали. Он или сам говно, или его за дурака держат.

– И чего, не боишься?

– А чего мне будет? В Афганистан солдат с нашей специальностью не посылают, в дисбат не за что. А случись подстава, еще вопрос, кто больше потеряет.

Шиханову во взводе не сразу поверили, но вроде конченным вруном никогда не был Серега, у него не та репутация. Сожрать в столовой то, от чего даже хронически голодающие курсанты отказываются и сгрести из общего котла несъедобные куски – это к нему «Мне белок нужен, чтоб мышечную массу не потерять». А наврать с три короба, тут другие спецы есть. Самый «гениальный» паталогический врун глистоватого вида в первой батарее служит. Парни рассказали: ехали из Москвы одной партией с капитаном-сопровождающим. Додик наш и заяви, мол мастер спорта по шахматам. Капитан как вскинется, как с шахматами прибежал! Не побоялся прямо при призывниках партию сыграть с мастером. И выиграл! Счастливый капитан, смущенный мастер спорта. Мы его пытаем – как так? Хороший шахматист товарищ капитан. Ну тут и другие студены с этим мастером захотели поиграть – ни одного поражения. У парней ни одного. Общий вердикт вынеси такой – надо было говорить, что ты мастер спорта по горным лыжам, лыж в поезде нет.

Так вот, когда Шиханов рассказал, как встретили командира части, народ одобрительно загудел – молодец, не посрамил взвод, знай наших! А когда поведал, как Милославский буром на полковника попер, половина не поверила, половина начала крутить пальцем у виска. Кто-то выматерил-

ся. Хотя в части это скорее норма, чем исключение. Вторая половина тоже поверила, когда через три дня во время обеда дежурный по столовой сначала заорал «Смирно!», потом «Вольно!». А еще через пару минут раздался глуховатый звон алюминиевой посуды, катящейся по полу. И сразу следом начальственное «Мать-мать-мать!!!», раскачивая плафоны, разлетелось по всей столовой, потом вырвалось наружу, вспугнуло стаи птиц и полетело в сторону складов.

Я пережёвывал грязную картофелину с куском вареного сала, проходившего под кодовым именем «мясо белого медведя» и слушал божественную музыку. Попаданца хлебом не корми, дай пожрать! То есть, я хотел сказать, дай почувствовать и увидеть свой вклад в историю. Но мозг всё свёл на еду. У солдата первого года службы мозг так устроен. Это потом появляется способность птицу на лету переваривать и извлекать пищу из пространственных прорех Мироздания. А поначалу – худей и страдай. Даже если ты бывалый, взрослый и весьма тертый калач. Физиологию не обманешь. А вот сексуальный голод в первые полгода не проявляется вообще никак. То ли впрямь бром в чай льют, то ли от голода классического, но никаких грешных мыслей. «Двадцать третий взвод, прекратить прием пищи! Выходи строиться!» И мы побежали строиться.

Я бы соврал, если бы сказал, что в строю на меня оглядывались. Потому как в колонне по четыре был в первой шеренге. А по росту третьим. Выше меня были только Сакс и

Сепп. Томас и Ало. Эстонец и эстонец. Так что не буду врать, я даже спиной не чувствовал взглядов. Зато отчетливо слышал характерный акцент в словах Ало: «Ндааа, Жоорж. Мыы тэпэрь вэриим, чтоо ты приставаал к командиру частии» А я что, я просто честно ответил на вопрос полкана. Развернутый ответ, он часто бывает безжалостен к вопрошающему. На послеобеденном построении зам.комвзвода объявил мне от имени командира три наряда вне очереди. Лейтенант Завгородний тем самым выразил своё отношение к событиям. Ну или самодеятельность от Глодана.

– Курсан Милославский!

– Я!

– Выйти из строя!

– Есть! – бум-бум два шага вперед.

– За разговоры в строю от имени командира взвода объявляю вам три наряда на службу вне очереди.

– Курсант Милославский! Не слышу «Есть три наряда на службу!»

– Тарщ сержант, до присяги не имеете права применять дисциплинарное взыскание! Разрешите встать в строй! – тут главное орать дурниной и лицо делать одухотворенное, чтоб начальство не поняло сразу, кто больший идиот в данном споре.

– Встать в строй!

Как я не презираю строевую подготовку, но вбилось давно в рефлексы всё это безобразие. И начинался этот процесс

еще в пятом классе – в первой школе я был знаменосцем пионерской дружины, на конкурсе знаменосцев первое место брал, на тридцати пятилетие Победы в карауле со знаменем у вечного огня стоял. Ну и далее НВП, институт, армия, теперь снова армия... когда мне забывать строевую? Хреновые перспективы у моего начальства с нарядами вне очереди. А по-неуставному достать уже не пробуют. Да и других курсантов больше пугают. Все боятся дисбата, тем более, что тут двое уже под судом за избивание духа с причинением тяжелого вреда здоровью.

В субботу поднялась непонятная движуха в батарее – велели всем подготовить парадки, идем в город на культурное мероприятие. А что за мероприятие такое внезапно? Класс! На городском стадионе гастрологи автородео! В жизни такого не видел, здорово будет посмотреть, только непонятно, за что нам такое счастье. Объяснение слегка шокировало – из солдат формируют буфер между треком и зрителями – так что сидеть будем в первом ряду на самых козырных местах! Энтузиазм фонтанирует, все бегают вокруг утюгов, начищают ботинки, срочно пришивают пуговицы и прочие шевроны к парадкам. Когда мы уже готовы и осмотрены, приходит облом – наш взвод остается без шоу. Командование части запретило выставлять в заслон курсантов, не принявших присягу. Оказывается, рисковать можно только присягнувшими. Унылые и морально раздавленные сдаем парадки в каптерку. Присяга завтра, может ну его, этот порядок? Мы

согласны рисковать до присяги, хотим Автородео и Жигули на одном колесе! А зато уже ботинки начищены, к завтрашнему действию можно не готовиться.

Рядовое для меня, нынешнего, мероприятие. Всё-таки не самый первый раз, да и Родина оказалась не навсегда и не превыше всего. Для очень многих так оказалось. Если Родину отождествлять с Партией и Правительством. А если Родина – это Россия, то я уже присягнул когда-то, смерть от той присяги не избавляет. Поэтому по телефону даже не говорил родителям о дате присяги и возможности на неё приехать. Построился, зачитал текст Присяги, поцеловал знамя части, расписался. Кстати, зачем учить присягу наизусть, если читать дают по бумажке? Чтоб помнили текст и не нарушали. «... Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть ...»

Чтоб мне не проваливаться! Это что за гость на торжественной присяге и зачем он тут? Саенко собственной персоной напутствует солдат, принявших присягу и особо тех, которые выросли на Тульской земле, издревле славящейся... Остапа несло, любит Михаил мысью по древу растечься при зрителях. Эксгибиционист недоделанный.

Глава 3. Увольнение

Стою с автоматом в положении «на груди» по стойке «вольно», правая рука на шейке деревянного приклада, левая опущена, в голове мысли всякие. Специально интересовался, практически все войска уже перешли на калибр пять-сорок пять, только в учебках типа нашей и всяких шарашках автоматы-весла в классическом калибре семь-шестьдесят две. В своё время меня даже удивило, что пятерка шьёт сталь бронежилета злее, чем семерка. Скорость в этом мире решает не только в фехтовании. Да во всем важна скорость, в том числе в принятии решений и реакции на команды. При чем не только на команды типа «равняйся-смирно!», армия и страна те же объекты управления, что и батарея, только побольше слегка. У нас в СССР такая ситуация, что и страна, и армия вроде как живут по одним законам и уставам, а куда ни сунься, везде свои порядки. Везде приоритет личности правителя над уставом и законом.

Да, думаю, в каждом воинском подразделении свои правила. Недавно в соседней части, у военных геодезистов, поставили на ремонт столовую, личный состав теперь ходит питаться к нам. Вроде такие же срочники и ходят строем, но посмотреть на это действие собирается всяк кто может. Впереди бредут молодые бойцы, вроде даже застегнутые, следом годовалые черпаки шкрябают по асфальту сапогами кое-как,

а замыкают строй дедушки. Дедушки по жаркому времени расстегнуты чуть не до пупа, бляхи болтаются в районе яичек, руки в карманах. Насчет «в ногу – не в ногу» даже и речи нет. Самое удивительное, что вассальное право действует в полный рост, и офицеры нашей части никак не готовы, не могут или не хотят хоть как-то одернуть пришлых. А кадровым офицерам-геодезистам строй и дисциплина сильно вторичны. У них другой процесс в приоритете.

Так и в Советском Союзе развитой социализм выглядит – где-то уже коммунизм строят, где-то невест покупают, причем не более трех голов в одни руки, а где и рабство в полный рост. Немногочисленные казахи и узбеки в нашей батарее делятся особенностями быта такими, что парни из центральной России только языками цокают. У украинцев свои заморочки, тут в большинстве местные западенцы, центральная Украина представлена слабо. Вот и идут словесные баталии на тему мовы. Одни кричат, мол у вас не украинский язык, а венгерский с немецким пополам. Другие отвечают – ваш язык русский, а не украинский. Я от скуки и для интеллектуальной нагрузки учу классический радяньско-украинский суржик.

Под эти размышления присяга и всякое вокруг неё кончилось, у солдата выходной, осталось только личное оружие сдать и в увал.

– Милославский, бегом марш командиру части! – чего и следовало ожидать, Саенко не на гастроли приехал.

– Товарищ полковник, рядовой Милославский по вашему распоряжению прибыл!

– Ага, то-то, я смотрю, фамилия знакомая. Да, рядовой Милославский, фамилия твоя легко запоминается. Особенно при твоём языке.

– А что, Леонид Павлович, уже пересекались с моим комсомольцем?

– Твой комсомолец мне тут чуть революцию не устроил. Никак не мог решить, кого к стенке поставить, его или начальника столовой. – Полкан у нас какой революционный, гляди-ка.

– И какое решение приняли?

– Раз этот солдат разговаривает стоя, значит поставил не его. А подробности тут лишние, Михаил Батькович! Эй, Загородний! Гони сюда своего сержанта какого-нибудь, пусть автомат заберет у твоего солдата. А то он так и будет за нами с оружием ходить. Решат, что я себе личную охрану завел.

– Есть, товарищ полковник!

– Так на чем мы с тобой остановились? Ты хочешь этого разгильдяя и бунтовщика перевести куда-то поближе к Туле? Или тут ему теплое местечко организовать? Давай честно, зачем тебе это? Кто-то отмазать чьего-то сыночка не смог, теперь тебя послали?

– Совсем не угадали, Леонид Павлович. У меня, и у всего комсомола на этом бунтовщике висит развитие нового спорта – исторического фехтования. Наверняка слышали про

этот вид единоборств.

– Не в такой уж мы глуши живем, слышал. По ящику соревнования какие-то осмотрел даже. А он при чем? Ему же лет восемнадцать-девятнадцать всего, максимум двадцать.

– Ага, восемнадцать. Такой вот самородок на Тульской земле родился. Кстати, самый молодой инструктор обкома ВЛКСМ в стране. Если соревнования смотрели, то его могли видеть там. Без него в этом деле не обходится пока ничего. Вроде и отслужить обязан, и его работу за него никто не сделает.

– Ладно, Михаил. Понятно, что ничего не понятно. С вами партийными и комсомольскими работниками можно долго разговаривать, а у меня еще своя программа не закончилась – надо с родителями солдат, принявших присягу пообщаться. Сегодня забирай своего типа в увольнительную, а завтра подходи часикам к десяти ноль-ноль в штаб, пообщаемся.

Всё это время я прогуливался рядом и грел уши. Резко Саенко решил ситуацию поправить – выдернуть меня в Тулу, чтоб я одной ногой типа служил, а по факту тащил свою работу. Это у нас крепостное право получается. Что на это сказать, даже не знаю. Главное, не уверен, что я хочу этого. А чего хочу, и сам не знаю. Комсомольско-спортивная карьера, семья и быт? В газетах информации мало, что творится в верхах, неясно, но есть ощущение того, что смерть одного из «прорабов перестройки» не отменила гибель империи,

а только отсрочила. Социалистический блок в изоляции, союзники по этому самому блоку затаились и держат ножи в рукавах, ждут удобного момента. Один плюс, меньше публикаций в поддержку прогрессивных режимов Африки. Или просто деньги на Африку кончились? Так что выходит, что всё равно рванет, но чуть позже. А тут я такой умный трудоустроенный и с семьей в разрушенной стране. Нехорошо, надо что-то делать.

– Всё, Жорж, пойдем к твоим командирам, тебе надо увольнительную выписать до вечера, я внизу подожду.

– Ну пойдем, Михаил. Раз ты меня поймал, мне теперь рыпаться бесполезно.

– Тень, знай своё место! Шучу-шучу, Жора. Просто забавно получилось.

Поднялся на третий этаж в расположение своей батареи, снял сапоги, тапки надеть чуть не забыл, пришлось возвращаться. Порядок есть порядок. Так, а брюки в сапогах помялись, придется переглаживать штанины, в ботинках вид будет такой, что и не отпустят в город. А вот и замок наш, сидит на табурете и увольнительные записки раздает. Вернее, уже раздал, внешний вид убывающих в увольнение проверяет.

– Товарищ сержант, прошу и мне выписать увольнительную.

– Так ты не заказывал заранее, где я тебе бланк возьму? Вот Казмирук заказывал, Жуков заказывал, а тебя нет в списке.

– Мне так командиру части и говорить? Мол, товарищ полковник, ваше приказание не выполнено, у сержанта Глодана бланков не было.

– А тебя полкан наш прямо в увал гонит? Не надо песен, Милославский!

– И с автоматом моим полковник напряг Завгороднего, и меня с увалом тоже. Он тут главный, кто мы такие, чтоб спорить?

– Как с тобой всегда сложно, Милославский. Свалился на мою голову блатной. Кто к тебе приехал-то?

– Из обкома комсомола приехало начальство моё, я там не все дела доделал.

– А ты прямо там работал? Нихрена себе! И чем занимался?

– Оборонно-массовой работой.

– Бумажки перекладывал?

– Убивать учил.

– Кого?

– Студентов и милиционеров.

– А студентов за что убивать? Они тебе чего плохого сделали?

– Володя, ты договоришься! То есть, товарищ сержант. Давай мне увольнительную, и я от греха побегу, пока не хватились.

– Зачекай трохи. До скольких выписывать?

– До двадцати трёх, а то всех шепетовчанок или как пра-

вильно, шепетовочниц перещупать не успею.

– До одиннадцати не могу.

– Ну звони дежурному по части, пусть командира дергает.

– Ищи дурнычку, сам выпишу. Если что, ты сказал.

– Ладно, я подглажусь пока. Из города чего-нибудь принести?

– Да чего ты принесешь? Сала копченого с базара? Так навезли родаки всего всем, сумками понесут сейчас вечером, хоть бы не протухло, пока всё сожрем.

– Это да, кто-нибудь до расстройства желудка обожрется.

– Во-во! Надо было предупредить бы. А то вы духи на еду падкие.

– Кормить надо лучше, тогда и жрать как не в себя не стали бы.

Денек выдался жаркий, как и всё лето. А может, для этих мест такая погода нормой считается. Идем с Саенко практически без какой-то цели, треплемся ни о чем. Надо сказать, мой бравый вид никого не приводит в заблуждение, по прицеске видно, что дух после присяги вышел в увольнение. В советской Армии налысо стригут один раз, сразу после призыва. А потом наоборот, борются с такими проявлениями самодеятельности. Чудно, если задуматься – в Российской Армии двадцать первого века всех стригут под ежик, включая офицеров.

– Куда пойдём? Вроде ты тут почти местный, Жора.

– Хорош подкалывать. Я города и не видел. Куда пойдём?

Я бы пожрал чего-нибудь нормального, тем более что обед пропустил. У тебя финансы позволяют бедного забитого солдата покормить?

– Кто тут бедный? Уже с полковником успел когда-то схлестнуться. Что у вас было-то?

– А вот как раз по поводу кормежки я и наехал на него.

– Прямо так наехал что ли?

– Он спросил, хочу ли я у него оставаться служить все два года. А я в ответ – кормят у вас хреново, воруют сильно много.

– Ха-ха-ха! Узнаю старину Милославского! Ты за свою пайку любому пасть порвешь и моргалы выколешь.

– Вот и слово это тоже в зарубу пошло. Я говорю, у вас пайка, а он – обед. Я ему, мол чего тогда баланда в мисках, если обед? А полкан чуток обиделся на меня. А потом на начальника столовой. А потом на начпрода.

– Жора, тебе тут не тесно? Никого еще не избил для порядка?

– Не. Только командира отделения. Но почти не нарочно, просто спрыгнул на него со второго яруса.

– Его за это не посадили?

– Миш, за кого ты меня держишь? Вон, смотри, вроде приличный ресторан.

На подходе к ресторану наши пути пересеклись с патрулем. Аккуратно отдал честь, без фанатизма и строевого шага, но рукой четко отработал. Но нет, урод какой-то решил

вздрыгнуть: «Рядовой, ко мне!» А вот хрен вам, товарищ лейтенант, Саенко решил цирк прекратить, подошел к начальнику патруля и показал какую-то корочку, проблема снялась. Вот у нас комсомол какой солидный. Цель достигнута, рестораны взяты!

Я заказал столичный салат, борщ и отбивную с картофелем. Ну и минералки бутылку. Просто воду в ресторанах еще не подают, не научились. В рестораны сейчас по большей части ходят, чтоб показать себе и другим – вот мы какие успешные, кушаем как люди! Я может чего-то не знаю, но заведения с настоящей ресторанной кухней крайне редки и бывают только в больших городах. Там, где деньги у некоторых посетителей просто неприличные, где за хорошее настроение гостя могут отвалиться сотню чаевых, чтоб повар тоже не грустил. Во всех остальных ресторанах готовят лучше, чем в большинстве домов, но хуже, чем надо. Весь акцент на спиртное и обсчет хмельных клиентов.

Жорж, контролируй процесс насыщения, не спеши. Минералочкой запивай, любимый, тщательно жуй. Нам же не нужны проблемы. А так хочется наброситься с ножом на беззащитную отбивную. Кстати, а почему никто не спросил желаемую степень прожарки, когда я заказ делал? Мишлены здесь не ходят...

– ... не очень удобно. Мы можем, конечно, обнулить какую-то секцию в области и за её счет выкручиваться какое-то время, но не два года же. Алло, ты вообще меня слушаешь?

– Ой, прошу прощения, ушел в процесс переваривания обеда, Михаил. Давай снова.

– Ты офигел? Снова ему... как ты вообще тут оказался?

– Да как все. Пока был на сессии, мне якобы повесток накидали, которых я в глаза не видел. Потом прислали милицию, и под конвоем в военкомат. Там повестку в зубы на призыв, и я тут. И какие у меня были варианты?

– Тут вообще непонятно как-то получилось. Есть ощущение, что кто-то хотел подставить обком ВЛКСМ, мол мы вызываем повесткой Милославского, он бежит наверх, его отмазывают. И тут мы такие во всем белом показываем пальцем на комсомольцев во всем коричневом. А ты эту игру поломал, просто молча пошел служить. Сейчас те, кому положено ситуацию раскручивают.

– Так я и не мог никуда пойти. Ты в отпуске, посоветоваться не с кем, наверх мне ходу нет, не родителей же слушать... Так что решил, как ты сказал «молча пойти служить». Иногда лучше помолчать. Меня всё устраивает. Два года потерю, зато анкета чистая будет.

– Так-то оно так, но, возвращаясь к сказанному, нельзя откатываться по развитию истфеха, просто стоять нельзя. А у нас, как оказалось, ни у кого нет понимания перспектив качественного роста. Тупые идеи типа «открыть еще десять секций в десяти городах» не в счет. Опять же, кем открыть? Как тренеров обучать, кем? Вот провели мы «Меч России», и что? Проведем теперь «Саблю России»? Уже были умники –

по типу спортивного фехтования разделить на направление «меч» и «сабля», ну ты помнишь.

– И какие варианты из живых у вас родились? Михаил, прошу огласить весь список.

– Перевести тебя в Тулу к Вованам. Оттуда откомандировать в распоряжение комитета комсомола. Самый простой вариант.

– А неведомый недоброжелатель не воспользуется этим вариантом? Подберет материальчик и всем расскажет, как комсомольцы себе службу устраивают на дому. Мы же не в Узбекистане, у нас худо-бедно Советская власть еще есть.

– А что, в Узбекистане уже так делают?

– Похоже, там сейчас делают вообще всё, что захочется. Куплено всё. И не только там. И не только сейчас. Михаил, ты даже не представляешь, что творится на национальных окраинах.

– Ладно. Какие варианты видишь ты?

– Посидеть тут или поехать в войска, послужить обычным порядком полгода-год, пока тема не прояснится или не перестанет быть актуальной.

– А мы в Туле пока будем вглубь копать и областной спорт расширять. Тоже вариант. Но как-то не очень. Эдак нас потихоньку Москва подомнет или Свердловск раскачается. У них тоже теперь неплохая команда растет на твоих наставлениях.

– Так это же прекрасно! Я же не за доминирование Тулы

радею, а за Российский спорт в целом.

– А что сразу не за весь «Советский спорт»? И «Спортивный вестник» до кучи. Жора, не ставь себе несерьезных целей.

– Нахрен мне весь СССР? Пусть у других голова болеет за него.

– Понятно с тобой всё. Доедай, да пошли уже. Десерт будешь?

– А мне не очень понятно. Не буду. О чем завтра будете говорить с полковником нашим?

– Есть мысль взять шефство над вашей воинской частью. Как тебе вариант?

– А вам зачем? Тут никакого героизма, один быт и учеба, когда стройки нет. Очень тутошный командир строиться любит. Прямо как дагестанец какой-то. И всё как-то без ума, на мой взгляд. На днях такая потеха была: сначала котлован вырыли под новое овощехранилище, потом взялись стену старого склада ломать на самом краю котлована. Лет сто стенке, в ломы хрен взяли. Кто-то матальгу, которая тягач легкобронированный, пригнал, сначала легонько толкнул стеночку, потом с разбега. Короче говоря, уронил кусок стены, сам сверху лег вверх гусеницами. Вопрос – почему было эту стену не оставить? Она бы всех пережила. И так тут всё. А ты говоришь, шефство. Этот хитрый Леонид Павлович твой из вас всё высосет, и скажет – так и было.

– Это еще вопрос, Жора, кто высосет, а кто пососет. Но

за предупреждение спасибо. Но сама мысль – Украина, Прикарпатье, природа, лето не чета нашему. И шефство над воинской частью, как инициатива Тульского комсомола. А?

– Ну если так рассматривать, то есть перспектива, товарищ Саенко. Тут и твоя фамилия в тему зайдет среди местных. Хотя они и мою за свою порой принимают. Мол, из шляхтичей.

– А шляхта при чем?

– Эх, Миша... запоминай – тут каждый второй мнит себя потомком родовитых дворян, польских или венгерских. Тут австрийцев этнических как собак нерезанных, венгров, русинов, чистокровных укро-бандеровцев, всякой твари по паре.

Гулять по Шепетовке не так, чтобы было интересно. В парке набрали на группу солдатиков в парадках, которые вдали от чужих глаз за кустами на травке предавались излюбленному солдатскому досугу – спали. Нормальное времяпровождение, в части никто не даст спокойно поспать нигде. Если только спрятаться где-то, но можно и налететь. Заснешь как следует, тебя все потеряют, и считай, залет в кармане. Вообще, очень много попадаетея военных. Шепетовка весьма милитаризированный город, граница рядом. Не так, чтоб совсем как у белорусов, но не сравнить с Тулой какой-нибудь. А в Белоруссии частей еще больше, там под каждым под кустом им готов плацдарм и дом.

Возвращаемся в часть, Саенко меня провожает как барышню какую. Решили после часа споров, что он попробует

двинуть идею шефства. Похоже, он с ней то ли сам приехал, то ли командир части подкинул. Договорились, что если я понадобится зачем, меня вызовут в штаб. Только не во время сон-часа. Шутка.

Глава 4. Полевой выход

Ночь после присяги проходила беспокойно – после отбоя вся батарея шуршала гостинцами, которые принес двадцать третий и двадцать второй взводы в своё расположение. Сержанты сразу взяли свою долю и пошли пировать с остальными старослужащими, читай, такими же сержантами. Рядовые бойцы, теперь рядовые, а не просто курсанты, делились с парнями других взводов. Во-первых, товарищество никто не отменял, а во-вторых, в тумбочках было запрещено хранить съестное. Крутись как хочешь, а к утру нигде ничего не должно остаться. Главным бенефициаром ситуации выступал каптерщик. Старый хохол, дедушка Советской Армии готов был сберечь духовские консервы за долю малую, но не давал никакой гарантии, что не сожрет консервы, шоколад и пряники вместе с другими дедами. Какие могут быть гарантии бессловесным существам?

Я не участвовал в этом процессе, ибо про запас не наешься, а перебивать послевкусие средней паршивости отбивной вкусом печенья с паштетом и медом – увольте меня от этого! Желательно, прямо в запас. Перед отбоем успел пообщаться с сержантом Глоданом по поводу перспектив службы. Заверил, что в ближайшие дни переводиться в батарею обеспечения учебного процесса не планирую, не надумал мол, а потом видно будет. Кажется, он проникся фактом, что кто-

то с командиром части обсуждает своё «хочу-не хочу» и сам принимает решение.

Что там и как порешали Михаил с командиром части не знаю, но служба потянулась по заведенному порядку. Кормить стали лучше, даже заметно лучше, когда в батарее начались разговоры на эту тему, пришлось высказаться на тему комсомольской принципиальности и готовности каждого бороться с недостатками. Народ чуток поржал, не понимая до конца, прикалываюсь или на самом деле верю в то, что говорю. Как сильно уже въелось в сознание людей – активисты не верят в то, что задвигают с трибун. Выражение «не агитируй меня за Советскую власть», похоже, изменило смысл. Надвигался полевой выход батареи, на котором солдаты должны будут изучить тактический минимум вроде ориентирования на местности, окапывания, общевойскового боя, движения по пересеченной местности. Подготовка вылилась в отработку самого важного для бойца умения – бега. То есть кроссы мы бегали теперь два раза в день, один раз вместо теоретических занятий, второй вместо отдыха после хозяйственных работ. Когда на кону стоит престиж батареи, приходится чем-то жертвовать, как всегда солдатскими ногами.

А ночью сломался Богун. Он вообще был примечательным персонажем – самый маленький в батарее украинец из Карпатской глубинки со сморщенным лицом выглядел так, что непонятно было, перед тобой подросток, взрослый маленький мужичок или осунувшийся телом старичок-грибовичок.

До этого он тащил армейскую ляжку исправно, только по ночам у него были мелкие сбои типа попыток пойти по нужде в Ленинскую комнату или вообще упереться в стену и безуспешно идти сквозь неё. При этом Богун не просыпался. Дневальный отводил его за плечо в туалет, заготовка лунатика доходила до писсуара, делала свои дела, а потом самостоятельно находила своё спальное место. В этот раз я проснулся от размеренных глухих ударов. Спрыгнув вниз и пойдя на звук, увидел, что совзводный сидит на полу и кулаками методично бьёт в дверцу нижней тумбочки. Верхняя еще держалась, но её падение на бойца было делом нескольких ударов. Мы с дневальным молча смотрели на эту жутковатую картину – жути добавляло то, что лежащие вокруг парни при всем этом спали как убитые или заколдованные. Кивнув друг другу, мы с Лещишиным, тащившим наряд, бочком протиснулись в проход между койками и взяли Богуну за плечи. Потащили? Еще кивок. Выволокли на проход в середку расположения, бедолага лег и заснул, точнее затих, он и не просыпался. Тормошим, будим кое-как, отправляем спать. Солдат спит, служба идет.

Мы с Лещишиным ничего про случай не рассказывали, но всё равно в батарее об этом стало известно. Смеяться над лунатиком никто не стал, дело-то житейское. Сегодня ты, а завтра еще кто-нибудь. Служба продолжается, в нашей армии нет некондиции, есть третий сорт, который не брак. Так что никто никаких мер не предпринял. Вот если бы он стре-

лять в карауле начал, тогда да, тогда ЧП. Кстати, бегают Богун медленно, но неумолимо, то есть добегают до финиша всегда. За прошедший месяц пятерку пробежать могут уже все наши очкарики, фельдшер перестал выписывать кеды и мазью Вишневского в казарме стало пахнуть не так сильно. Если бы не фурункулы, совсем бы было хорошо. Но эти фигняциии начали вылезать у бойцов в неожиданных местах со страшной силой. А у самого невезучего, Сеппа, он не вылез, а засел под мышкой и набух. Такую гадость в санчасти называли карбункулом и разрезали, а Сеппу подвязали руку так, чтоб она не прижималась к боку. Еще и трубочку в рану воткнули как в пакет с соком. Кто-то пустил слух, что дело в климате. Нет, братцы, климат тут шикарный. Всё дело в хреновой еде и отсутствии у солдатских организмов необходимых сил на борьбу с вражескими бактериями и вирусной.

Ну вот и долгожданный полевой выход. На каждом участнике полная выкладка: автомат, вещмешок, противогаз, над вещмешком рулон с ОЗХ – общевойсковым защитным комплектом, еще выше шинель в скатку через плечо. На поясе подвешен подсумок, саперная лопатка, чулки от ОЗК, фляга с живительной бесценной влагой, сиречь водой, штык-нож. Экипированный солдат больше похож на вьючную лошадь в начале долгой экспедиции, когда запасы по максимуму, но при этом ничего из этих навьюченных запасов самой лошади не интересно абсолютно. Лошадь даже гордости не испытывает по поводу того, что кому-то из них доверили нести на

спине целый теодолит, а остальным просто тушенку. Вот и мы были теми самыми лошадьми с теодолитами за спиной. И без тушенки, что примечательно.

Самым неудобным, бесполезным и мучительным пунктом экипировки была шинель. Не фактом своего наличия – ночью она пригодится, а способом переноски. Кто-то из генералов в середине девятнадцатого века решил, что такой вариант служит дополнительной защитой солдата в штыковом бою, с тех пор так и носим. В конце двадцатого века штыковая атака по-прежнему основной вид боя в головах наших маршалов. Зла не хватает, она натирает шею, под ней жарко, снижается обзор и маневренность. В случае внезапного боестолкновения придется терять секунды на сбрасывание или воевать с этими веригами... но по Уставу положено, а Устав не нами писан. Куда не кинь, генералы планируют сражения сферических солдат в вакууме. А ведь до Крымской войны шинельки привязывали к ранцам, был такой период просветления в головах. Кстати, сама шинель практически не изменилась с тех же далеких времен, спроектированная для кавалеристов, она дает некие плюшки конным воинам, а солдатикам конца этого столетия только лишний вес и танцы с бубном. Особенно приятно в ней ползать и пробираться через колючую проволоку и лес. А еще форсировать ручьи. Ладно, побежали, что ли?

Задача нашего взвода – совершить марш-бросок через лес по спланированному маршруту и внезапным ударом захва-

тить рубеж обороны, занимаемый двадцать первым. В итоге все счастливы: наши тем, что не придется копать окопы, противник тем, что не придется бегать как сайгаки. Каждому не достанется свой кусочек ненавистного пазла. Бойцы уже научились ценить маленькие радости, ведь могли спланировать выход так, что и копать, и бегать. Мною был предложен другой маршрут, в котором петля была чуть покороче, и снова инициатива имеет инициатора. Меня назначили разведкой и передовым боевым охранением, Иванца выставили в боковое охранение – правильное решение, невысокий шустрый и легкий Иванец почти местный, если возьмем языка, сможет его допросить. Шутка. Двигались бегом, с короткими интервалами на шаг, в результате реализации моего плана, укоротили марш до восьми километров, правда мы с Иванцом набегали не меньше десятки, выискивая удобные и проходимые тропки в лесу. И голубику. Она уже поспела, по пути мы срывали ягоды и кидали в рот, шедшим по нашим следам товарищам ничего не доставалось, они небось и не подозревали про потерянный ресурс. Из местных наблюдали только кабанов, да и то не самих, а их свежие лежки. Мы не охотники, нас задирать не стоит даже кабанам. Можем застрелить холостыми патронами или заколоть штык-ножами. А то и загрызть с голодухи, это еще страшнее. Мыться негде, как пойдем на двадцать первый взвод в окровавленной форме – они все и обделаются.

Выйдя практически на место начала атаки, чуток отдох-

нули. Сержант рассказал тактику предстоящего боя, раздал патроны, причем себе не оставил – то ли уже подрос, то ли не хотел детишек без игрушек оставлять, пожалел. Черновалюк попытался показать приемы рукопашного боя с автоматом. Кое-что даже получилось неплохо.

– Милославский, ты говорил, учил кого-то как правильно убивать. Нам покажешь?

– Да легко. Правило один – у профи палец никогда не лежит на спусковом крючке.

– А как же стрелять?

– Только перед производством выстрела палец ложится на крючок. В остальное время вытянут вдоль скобы. Вот так. Были случаи, когда взрыв, выстрел рядом, даже просто чихание провоцировало непроизвольное нажатие крючка. А это демаскировка или ранение союзника. А в космическом корабле – разгерметизация.

– А что, в космос тоже с оружием летают?

– А ты как думал? Пистолет – обязательная часть экипировки. Или амеров на abordаж брать, или в тайге после посадки выживать.

– Врешь!

– Не, он правду говорит, я в музее видел!

– Отставить! Второй момент: при возможности или ожидании огневого контакта оружие переносится в непосредственную близость. Автомат вешается на грудь стволом вниз, правая рука контролирует пистолетную рукоять. Вот

так.

– Так по уставу не положено!

– А ты посмотри хронику Великой Отечественной, как солдаты на передовой или в тылу противника автоматы носили. За спиной ни у кого оружие не висело. И стволом вверх через правое плечо не носили. Кто-то попробуйте быстро вскинуться в то дерево из уставного положения на грудь или с плеча.

Народ начал пробовать, слава Одину, никто не остался без глаза. Потом парни начали пробовать изготовку к стрельбе, стрелковую стойку пригнувшись с полусогнутыми ногами, потом хождение группой с распределением секторов наблюдения и стрельбы. Солдатам явно нравилось заниматься боевой учебой вместо рытья котлованов и чистки картошки. Кто бы сомневался, каждый хочет быть воином, а не хлебопашцем – у дружинника другой социальный статус, это впитано с молоком матерей. Нет, есть отдельные пацифистские личности, но мы с ними боремся.

Захотелось похулиганить, командиры-срочники пошли на поводу. Тем более, как вы поняли из рассказа, командира взвода с нами привычно не было – вот это нам достался самый крутой спец по забиванию болта на службу! Короче, мы с Иванцом провели доразведку опорного пункта условного противника и решили атаковать с тыла. Нефиг их баловать. А потом еще поползли и нашли единственного дозорного в тылу – их ком.взвода молодец оказался, подстраховал и

это направление. А дозорный не молодец, его победил главный друг всех служивых – сон. Пообщались с Черновалюком, сняли всю амуницию с себя, кроме чулков от ОЗК, взяли ремешки от шинельной скатки и тихонечко пойдём брать дозорного.

– Последний штрих, бойцы. Кто-нибудь, дайте крем для обуви. В крышке рукоятью штыка расталкиваем листья помястее в кашу, вот так добавляем крем и пальцем смешиваем. Нет, мне не жалко пачкать палец, я ещё им морду мазать буду. Все смотрят, как мажу, каждый мажет не себя, а товарища. Матерные слова на лбу не пишем, полоса по переносице, две полосы на скулы под глазами, пара косых полос на лоб. Цель грима – разрушить узнаваемый образ лица – противник мельком увидел, но не понял, что увидел человека.

– Так нормально, Жора?

– Молодец, как у меня получилось, даже лучше! Смотрим на образец, рисуем трындец.

Решили врага брать живьем, чтоб потом не обвиняли в излишней кровожадности на учениях. Подкрались с разных сторон, я навалился на грудь и прижал чехол с чулками к лицу бедолаги, блокируя возможность закричать. Черновалюк в это время, как мы договаривались, упал на ноги и захлестнул ремешком. А руки, руки бойцу пока не сильно помогут. Я со своей задачей справляюсь, главное, чтоб Олег не тормозил, а то придушим своего товарища нафиг. Ага, колотить

меня по спине боец перестал, но дергается – значит еще жив, уже зафиксирован. Оглядываюсь, конечности в порядке. Показываю на рот, мол дам ему чуток вдохнуть, Черновалюк кивает, понял. Удачно получилось, пацан успелдохнуть разок, а крикнуть фигушки. Фиксирую чехол ремнем и тащим жертву из кустов дальше в лес.

Нормально справились, нас с улыбками встречают со взводные, расписные рожи. Народ, впечатленный моей тактической подготовкой практически без звука принимает мои полупредложения-полууказания. Уже ясно, кто выше по статусу во взводе. Языка зафиксировали накрепко, рот освободили, тут кричать можно. Сашу Богана оставили контролировать противника и охранять имущество – всё лишнее, кроме оружия, лопаток и фляжек я распорядился снять.

– Штыки примкнуть.

– Зачем, ты сдурел, Милославский?

– Убивать не будем, напугаем как следует, а то расслабились очковые.

– Почему очковые?

– Так двадцать первый взвод – очко!

– Точно! Очкисты!

– Тихо. Идем согнувшись, россыпью через кусты по моей команде. Впереди перед позициями земля комками накидана – это ориентир. От кустов ползком до земли, до того места трава высокая. Доползаем, по команде залп с колена, потом хватаем комки земли и по одному куску забрасываем в

окоп. Потом со штыками наперевес и криком «Ура!» бежим к окопу, в сам окоп не прыгаем, никого не убиваем в этот раз. Парни, запоминаем – убивать никого не будем! Все поняли?

– ДА!

– Милославский, а мы не того, не слишком?

– Нет, товарищ сержант. Главное правило соревнований – победить надо так, чтоб все поняли, кто победил и не смогли присудить победу противнику. А даже если назначат победителем другого, пусть этот другой потом ссытся, глядя на свою медаль.

– А что, так бывает?

– Всяко бывает. Плевать. Победа не по правилам – это победа. Мертвецы апелляций не пишут.

– Жорж, ты страшный человек. – Черновалюк наконец-то понял, что я страшный. Это правильно. Бей своих, чтоб чужие боялись.

Эх, жалко, что всего по одному патрону на бойца выходило. Получилось, как в Отечественную с Мосинками – один залп, гранаты и в штыковую атаку. Зато ничего придумывать не надо, всё выдуманно до нас.

А вот и наш старлей Завгороднев. Это сучок ждал свой взвод на позиции противника как сука-перебежчик. Он точно знал, что наше путешествие закончится тут, посему решил не бить офицерские ножки, не топтать офицерские сапожки. Хотя отмазка у него была зачетная – мол, хотел оценить действия своего взвода в атаке, наблюдая с вражеской

позиции. Так лучше видно эффективность действий и допущенные ошибки. Мне кажется, что очень справедливо поступил кусок неподсохшей земли, когда прилетел в грудак нашему командиру. И нехрен так орать, окоп неглубокий, упал он, видите ли. Там лету всего полтора метра. А в командира взвода противника никто не попал. Да он и не виноват, наши косорукие просто кидать точно не умеют.

Никто нас за неуставной вид не ругал, взводный вообще ничего продуктивного не сказал, только матерился. Сержант Глодан выделил ему двух солдатиков, чтоб отвели раненого в штабную палатку, носилок-то нет! Не подумайте, штыком никто его не колол, просто старлею не повезло, то ли вывих, то ли порвал связки голеностопа. Я как добрый самаритянин срочно стянул ему сапог, осмотрел ногу – да, уже начало опухать. Запасную портянку режем повдоль на бинт, тугая повязка восьмеркой. Так бы лед приложить или обосать... но льда нет, а ссать на живого командира уже как-то за гранью. Добить, чтоб не мучился? Штыки у нас сильно не похожи на мизерикордии, ни о каком ударе милосердия таким клинком речи нет. Если только прикладом в висок? Не поймут, Азия-с. Я ему потом костыль выстругаю, пусть чувствует мою заботу. Короче, порекомендовал найти лед в ведерке с шампанским и отправил в штаб. Шучу, старлей бы не оценил заботу. А ведерок для шампанского я в промтоварах не видел, видимо традиция еще не вернулась в общество. Честно говоря, я в прошлом будущем и сам нечасто пользо-

вался этим ведерком. Поставил в гостиной холодильник для вин с двумя температурными зонами, и бутылку между возлияниями убирал туда. Не так стильно, зато практично. Эх, после такой атаки у нас гусар принято как раз по шампанскому пройтись. Вместо этого нас построил командир взвода очкистов, разобрал атаку и отправил за имуществом и пленным. Пленного решили не наказывать, ему и так досталось. Ладно, хоть не описался никто от нашей атаки. Наш взвод годил гоголем. Оба сержанта радовались, что с командиром так удачно вышло – пока он оклемается, некоторые нюансы атаки уже забудутся. Больше всего их напрягал неуставной вид солдат без скаток, зато в раскраске.

А двадцать второй взвод вышел из леса уже к вечеру. Батарея ужинала, когда раздалось дружное «Ура!» и из леса выбежали потеряшки. Все смеялись.

Глава 5. Когда есть куда вернуться

Зная характер нашего ком. взвода только по косвенным признакам, предположу, что страдать он будет месяц или больше с полным отрывом от учебного процесса. Видимо, музей Николая Островского, доминанта города Шепетовки, посещалась им без должного тщания, не усматривается в комсомольце Завгороднем самоотреченности во имя революции и торжества социализма. Эдак доходит до двадцати семи в комсомольцах и в партию не попадет. А это удар по карьере, пока так считается. Никто не готов предположить, что империя погибнет. Даже я после своих выходов не готов предсказать дату. Вдруг опять на какую букашку наступлю, а букашка ключевая окажется как в прошлый раз? Гадостей серьезных от старлея не ожидаю, максимум нарядов тройку-пяток кинет сам или через сержантов. Но это надо с больничного выйти и на службу прийти. Да и вообще, может он и не свяжет историю со мной. Командовал не я. Кидал комель земли тоже не я. То есть я, но в общей куче и неприцельно. Так что скорее наши сержанты чуток пострадают, но они и не боятся, судя по их лицам. Очень всем развлекуха понравилась, особенно с травмированием взводного. А ежели будет наглеть сильно, я его приструню по комсомольской линии. Он еще не знает, «какой змея пригрел на свой волосатый грудь».

После ужина личное время и культурный досуг. Внезапно, оказалось, что развлекать нас приехали ученики какой-то местной школы, то ли шефы, то ли просто активисты из колхоза по соседству. Мне даже странно как грамотному в этом вопросе человеку показалось – конец июля, каникулы, все дети давно разъехались, где их нашли? Так или иначе, но была музыка, песни, пляски на лесной опушке, юмористические сценки. Когда предложили выступить желающим из числа бойцов, удивил трепач и балагур из опоздавшего двадцать второго. Мелкий парень одесской наружности с одесским же слегка гипертрофированным акцентом читал монолог Жванецкого, хорошо читал. Все смеялись и аплодировали, как и детям. Много ли надо солдату для счастья – покорми, песенку спой, спать уложи да не буди рано, он и счастлив. Только один штрих – не устраивайте солдату праздников, солдаты их терпеть не могут! Как говорится, солдату праздник что колхозной лошади свадьба. Шея в цветах, а задница в мыле. Хуже праздников в армии только спортивные праздники.

Ночуем в огромных палатках, предварительно прогретых тепловой пушкой. Большой плюс командирам, позаботились о ночевке, хотя ночи теплые. Хорошо! Всё-таки ужин из полевой кухни вкуснее, чем в столовой. Тут командиры кушают из одного котла с солдатами, закладку контролирует дежурный офицер, не замазанный в коррупционных схемах, так что сытость от гречки с тушенкой помогает примириться с

лишениями и тяготами армейской службы. Вообще, есть такие подразделения, где солдаты предпочитают скитаться по лесам всю зиму и жить в палатках с буржуйками, нежели ночевать в холодных казармах и строиться каждый час. Я точно знаю.

Умываться с утра в речке – романтический вариант. Особенно, если не всей батареей, не чистить зубы водой из реки и не задумываться о том, что в воде может плавать. С зубами ладно, из фляжки питьевой водой сполоснул. А в воду надо заходить поглубже, где не взбаламучена вода. А следующим солдатам еще глубже. Только не в сапогах, сапоги промокнут.

Обучение пользованию просто противогазом и ОЗК, бег в полной химзащите, Синеглазка как кульминация подготовки. Хотя по мне, лучше с Синеглазочкой десять минут в обнимку, чем в те же десять минут бега в ОЗК. Кстати, не все в неё поверили в нашем взводе. Заходим в химическую палатку отделениями в уже надетых противогазах. Все парни заранее убедились в их герметичности и правильно подобранном размере, клапаны на месте, пробки вынуты – вперед! Садимся на корточки в кружок вокруг стеклянной колбы с крышкой.

– Там хлорпикрин – хрюкает Черновалюк и вытаскивает пробку. – У всех всё в порядке? Значит молодцы, противогазы носить умеете.

– Да это вода простая, никакого газа в палатке нет. Нас

разводят! – хрюканье сбоку.

– Кто-то еще так думает? Угу? Разрешаю снять противогазы всем желающим.

Как же я люблю наших педагогов с лычками, Олегу надо в детском саду работать с его умением общаться с детишками. Двое юных героев, убаюканные обертонами сержантского благодушного хрюканья снимают противогазы. Какие красивые глаза, такие синие и большие, словно в мультиках-анимэ! Выводим новоиспеченных Кагаяму и Наруто, или как их обычно зовут в мультфильмах, из палатки даем дышать воздухом. Восхитительное, скажу я вам удовольствие подышать, лучше всех это знает рядовой, пробежавший трешку в противогазе или наши Наруто и второй. Но они еще не дошли до стадии радости, пока они просто плачут. Скупые мужские слезы потоком льются из глаз, не надо стесняться, мужчины тоже плачут. Особенно после слезоточивого газа. Теперь весь взвод в курсе, насколько эффективен противогаз, почему хлорпикрин называют Синеглазкой, какая сволочь этот Черновалюк.

Обратно едем как белые люди, если белые люди предпочитают передвигаться в грузовых Уралах без тентов, зато с лавочками. У меня весьма козырное место в передней части кузова, практически над кабиной. Рядом сидит незнакомый лысеющий капитан, фуражку бережет, в руках держит. Это правильно, фуражка не шлем, летает высоко. С какой-то радости его проперло на философию, я и поддержать могу раз-

говор, чай тоже философ. Как Хома Брут.

– Молодой ты еще, солдат, служить тебе еще и служить, пока не постигнешь премудрости армейской службы.

– Ну, это как посмотреть.

– А как не смотри, дух ты еще. Или есть что возразить?

– Если готовы услышать мою точку зрения, то могу, еще как могу. – Скорость небольшая в колонне, не более пятидесяти км в час, беседе ничто не мешает.

– Валяй, возражай.

– Мне служить до дембеля осталось полтора года. А вам лет десять, не меньше. Так кто из нас дух?

Немая пауза, видимо, к разговору прислушивались все сидящие рядом. Солдаты старательно не засмеялись. Офицер сначала не нашел, что ответить, а потом тактически грамотно замолчал. Да уж, умею я душевно общаться, всегда супруга подчеркивала мою высочайшую тактичность. А он первый начал, не я. Чтоб качественно морально унижать собеседника, надо обладать высокой моралью. Как у меня.

Это альпийские стрелки из анекдота по возвращении домой сначала отдают супружеский долг, а потом снимают лыжи. У нас сначала надо почистить сапоги, их вообще есть смысл чистить в любую свободную минуту. Сапоги – лицо солдата как говорится. Самые дрищеватые бойцы в нашем взводе ухитряются носить сапожную щетку за голенищем. Как так, у меня икры в голенища еле-еле залазят, аж больно в первую минуту. А тут целая щетка... А уже после сапог идет

автомат. Мы не мотострелки, здесь нет культа оружия в его сакральном понимании. Бойцы ПВО не автоматом воюют.

Поэтому чистка назначена на следующий день после возвращения в казарму. И вот на середину расположения выставляется канистра с маслом, выкатывается круг обтирочной бумаги, народ раскладывается кто на полу, кто на табуретке... начинается треп за жизнь. Ружейное масло вкусно пахнет, от пола веет прохладой, лежишь такой весь умиротворенный и чистишь ствол, туда-сюда, туда-сюда. На механизм уже не хватает сил. А нет, я не спал. Чищу вот автомат. Мотострелки рассказывали про игру в индейцев: после чистки оружия командир сует палец в любое место в автоматических кишках, а потом его разглядывает, палец в смысле. Если палец загрязнился, им же на лице хозяина автомата рисуется узор как у индейца, а оружие перечищается. У нас не то, у нас даже никто не объяснял, что из себя представляет эта самая чистка оружия. Всяк, согласно своему пониманию, чистит оружие. А оно прощает такое к себе отношение – Калашников терпелив.

– Рядовой Милославский, на выход! – это чего за фигня, кто ко мне пришел? Вроде друганов не завел в других батареях, а если бы кто серьезный пришел, кричал бы дневальный иначе «Дежурный по батарее, на выход!» или даже «Батарея, смирно!» опытный боец по крику дневального многое может определить, даже время. Их есть-то всего, этих времен три штуки как в русском языке: время просыпаться,

время засыпать и время приема пищи.

– Чего кричишь, боец? Кому Милославский потребовался?

– Трубка бери, мало-мало говори!

– Дима, вот у кого ты это подслушал? Шупило недоделанное! – фамилия этого квадратного и уже с залысинами рядового такая – Шупило. Очки как у всех москвичей, как есть Шупило.

– Рядовой Милославский у аппарата! Слушаю вас.

– Хру-хру-пшшшхрр!

– Не понял, повторите.

– Говорю, ноги в руки и бегом дуй в штаб, кабинет 17, я жду.

– Вы не представились, потрудитесь исправить оплошность.

– Воин, я секретарь бюро комсомола, не наглей. Ко мне бегом марш!

– Как комсомолец комсомольцу спрошу прямо – кто тебя воспитывал? Я же сейчас приду и выясню этот момент. Жди, секретарь!

Собрать родной автомат с блатными цифрами восемь-семь, восемь-восемь, сдать его в оружейку. Отпроситься у Глодана, кажись его фамилия переводится как голодающий. Бедному собраться – только подпоясаться. И сапоги надеть. А сапоги мои выделяются в пирамиде цветом, это очень удобно. Мама прислала шикарную фланель на портян-

ки, только чуток розоватую. Я не переживаю, начальству до звезды, совзводные оценили удобство.

Пойду посмотрю, что за странный комсомолец там окопался, до штаба путь недолгий. В штабе первым меня встретило знамя части – священный предмет, между прочим! Отдал ему честь, мельком глянул на часового – самый неудачный пост парню выпал. Не почесаться, не пошлындать ноги размять, не поглазеть по сторонам в дневное время даже. Часовых у могилы неизвестного солдата или Мавзолея Ленина видели? Та же история. Еще одно живое свидетельство – не всегда правильно быть лучшим. Ибо на этот собачий пост только лучших ставят, надежных. А потом в хвост и гриву их – как ты мог нос чесать у красного знамени?! Как ты мог заснуть стоя?! Как ты мог допустить кражу ордена Кутузова Второй степени со знамени?! Плевать, что не ты, заметили в твою смену! С Кутузовым это был полный залет, врагу не пожелаешь. Но в данном случае у части ни одного ордена, опасность и накал ниже.

– Добрый день! Не помешаю?

– Боец, как вы обращаетесь к старшему по званию! Это что за «не помешаю»? Как фамилия?

– Фамилия моя слишком известная, чтоб её здесь называть.

– Милославский? Не валяй Ваньку, я же тебя только что вызвал.

– Произошло какое-то недопонимание. Вы мне не началь-

ник, чтоб вызывать куда-то. Что вы тут себе позволяете! Это комсомольская организация или казарма!? Распустились!

– Ты на кого орать вздумал! На меня?!

– А вы кто? Не представились, я вижу только погоны и петлицы и гадать должен? Я могу вообще к вам не приходить, раз на то пошло. Вы вообще представляете, на какой должности находитесь, если, конечно, вы на самом деле секретарь бюро ВЛКСМ, а то я уже сомневаться начал.

– Рядовой Милославский, вы...

– Отставить рядового! Перед вами комсомолец Милославский, а передо мной кто?

– Я уже говорил вам, я секретарь бюро комсомола Сергей Анисимович Прокопенко.

– Да ладно, давай без отчеств и на «ты», если ты комсомолец настоящий. Ты комсомолец?

– Здесь так не принято.

– Ха, а Мишин в ЦК ВЛКСМ наоборот дрючит, если комса на «вы» общается. Говорит, не по-товарищески такое общение. Как он сказал тогда: «Вы еще господами друг друга называть начните»

– А ты что, в ЦК бывал?

– Много раз. От Тулы до Москвы двести километров, вызывают – и летишь как на крыльях.

– Вот, сам сказал «вызовут», а про дисциплину чушь порешь.

– Так я в обкоме работал, они моё прямое начальство,

имели право вызвать и премии лишить. А тут я не подчиненный тебе, а член комсомольской организации. Кстати, могу и спросить с тебя строго – всё ли ты сделал, товарищ Сергей Прокопенко, чтоб претворить в жизнь решения пленума ВЛКСМ? Отчитайся, скажу перед организацией. Угу?

– Алё, алё! Ишь, запряг уже, считай. Не так быстро, Жора. Я всё-таки старший лейтенант, поставлен над вами.

– Ни в жисть! Ты нами избран, и плевать, что я в выборах не участвовал, мои товарищи участвовали и руку за тебя поднимали. Поставлен он, Устав ВЛКСМ читай!

– Вот почему ты такой борзый, Милославский? Тебе ни разу не говорили, что шибко много на себя берешь?

– Да регулярно! А потом говорили: тащи, раз взял. У комсомольцев такая судьба – много брать, далеко нести, пока не отобрали.

– Ладно, убедил. Я по какому вопросу тебя позвал. Ты в курсе, что Тульская комсомольская организация берет шефство над нашей частью?

– Уболтали-таки? Где Тула, а где вы?

– Почему ты сказал «вы»? Ты же в нашей части служишь, один из нас.

– Ну так это сегодня, а что по осени будет? Укачу в войска, заступлю на боевое дежурство и буду прикрывать небо страны от всяких мразот.

– Так тебя могут тут оставить. Не задумывался? Или опять будешь баландой попрекать?

– Да получше стало, спасибо нашему командиру. И вот тут вопрос – вам самим нужен такой неутомимый солдат и комсомолец? Как Хазанов говорил – я и здесь молчать не буду. Особенно, если тигру мясо не докладывают. А если солдат плохо учат, я вообще могу написать.

– Куда?

– Мишину. Или Соколову. Или папе.

– А кто у нас папа?

– Ревизор. Из тех, кто глубоко копает. Типа шахтера.

– Я понял, можешь не уточнять. Тоже в Туле?

– Угу, в ней. В той, что веками оружие ковала.

– Я тебя слышал. Теперь к тебе вопрос – чем ты готов помочь своей организации реально? А то про тебя Саенко наговорил всякого, чуть ли не из воздуха кур достает и кроликов из шляпы.

– Что могу? Могу с практической огневой подготовкой помочь у офицеров и солдат. Могу создать команду по истфеху, только не среди курсантов, а для постоянного рядового, сержантского и офицерского состава. А могу тупо оружие ковать как та Тула.

– Зачем оружие?

– На сувениры. Презенты проверяющим, подгоны снабженцам. Стало модной темой в стране в больших кабинетах вешать щиты, мечи-сабли, шлемы. В Москве у одного генерала, не скажу фамилию от греха, теперь рыцарский доспех стоит настоящий. Он от такой истории руководство ЦСКА

пилит, хочет у них команду по историческому фехтованию создать, а потом Spartak надрать на ристалище согласно исторической традиции. А у Spartaка и команды нет.

– А чья сейчас самая сильная?

– Тульский Арсенал, мои детишки.

– Практическая стрельба, Тула, постой – те ваши соревнования среди силовых структур тоже ты организовывал? А сам откуда это вот всё понабрал? Где научился?

– Подписку в конторе давал, так что извиняйте. И соревнования по практической стрельбе, кстати, они мне помогли организовать.

– Серьезно?

– Серьезнее некуда. Так что думайте, чего вам от Милославского надо. А я буду пробовать реализовать наши совместные хотелки. По комсомольской линии. И лучше все эти вещи на бумажке расписывать и черкать, а потом снова расписывать и опять править.

– Сечешь фишку, Жорж.

– А то!

Глава 6. Боевые будни ПВО

Редкий случай, выкатили СОУ, которая самоходная огневая из ангара и что-то на ней изучали худо-бедно. А может, просто время пришло. Даже тестировать учились системы. О как, тут двоичная система счисления нужна: все команды трехзначные есть в шпаргалке, только набирать их нужно тумблерами в двоичной системе. Не знаю, как наши два узбека и Богун будут учить двоичные коды, а студенты моментом втянулись, щелкают команды как на счетах. Еще одна СОУ стоит на приколе прочно с разрезанной кормой – на учениях не поделили дорогу с кем-то, надо жестянку править. Один нюанс, жесть противоположная, паяльной лампой не разогреешь, кувалдой не выправишь. ДТП на учениях дело привычное и понятное, летом в казахской пустыне от гусеничной техники такая пыль, в двух шагах ничего не видно. Я по пыли в складках брони вижу, что летом, что Казахстан. Однозначно, полигон Эмба в Актюбинской области. Это они с прошлого лета не залатали, или в этом мае уже гоняли туда? Надо будет спросить.

Глодан запустил прибор телевизионного сопровождения цели, начали рассматривать окрестные пятиэтажки за забором, ничего интересного не увидели, но с точки зрения процесса обучения было полезно. И общая оценка – штука классная, особенно где-то неподалеку от пляжа летом. В

процессе практических занятий я понял, почему нас так хреново кормили – чтоб нам было не так тесно в чреве машины. Толстякам тут не место, реально. Вроде сложная машина, но не очень, за полгода выучить можно процесс боевой работы от и до, если учиться, а не капусту солить.

Капуста не капуста, а в колхоз нас отправили. Весьма распространенная практика в армии: у вас товар, у нас ресурс, в данном случае человеческий. Чаще всего начальство торгует рабсилой не в свой интерес, а на благо родной воинской части. В середине восьмидесятых сейчас, как и в прошлом варианте реальности, весь Союз был охвачен новым веянием – строительство всего хозяйственным способом. Он открыл невиданные доселе перспективы. Например, построить то, что раньше было нельзя или так, как ранее было нельзя, потому как наверху виднее, что нельзя. Или построить то, чего в природе нет. В природе нет, а по бумагам очень даже есть, вот вам даже подписи приемочной комиссии. Предприятия строили свинарники и дома для своих работников, потемкинские деревни и цеха. А вот производственные кооперативы не легализовали. Отвлекся. Так вот, в очередной раз пришла разнарядка на батарею – шлите бойцов на работы в ДОК и колхоз «Напрасный труд». Ситуация в армии такова, что Милославский ты или Шупило, а если всю батарею в распыл, то и ты в распыл, даже если ты Растропович или Абрамович. Советская Армия – единственное место, где Абрамовичи и Шендеровичи машут теми же лопатами, что и

Казмируки с Жуковыми. Деревообрабатывающей комбинат неинтересен – там только работать надо, и даже не кормят в процессе, колхоз в этом плане перспективнее.

Логистика процесса мною не изучена, но выглядит так – мы строем выходим за ворота части, там нас подхватывает замызганный грузовичок с фургоном, мы куда-то едем. Обещают вернуть к вечеру. Тут не Чечня девяностых, не Дагестан, вариантов, что продали насовсем нет, про них пока и подумать никто не может. Конкретно на Украине, конкретно про солдатиков – нет. А в жарких республиках поднимает голову ядовитая гидра феодального строя. Ошибались Маркс с Лениным – общественный строй определяет не уровень развития производительных сил, а менталитет народа. Ежели кому комфортно в махровом феодализме, хоть ты дерись, а он так и будет феодалом, опираясь на поддержку своего народа, который обычно не спрашивают, сколько с него шкурок снимать за раз. Народу так тоже привычнее и где-то комфортнее. А не эта вот ваша лживая демократия.

Куда нас привезли? Судя по звукам и запахам не на комбинат, это хорошо. Селянки, кто хочет большой, но чистой любви? Становись! Разболтанная ручка с третьей попытки зацепила язычок, прыгаем вниз, на утопанную землю. Привет, колхозники! Несите уже ваш каравай и крынку. Крынки и каравая в ближнем обозримом пространстве не нашлось. И это хорошо, скажу я вам. Потому как, судя по амбре, колхоз нам попался сильно животноводческий, вот прямо очень

сильно. Нас в вдвоем с Жуковым как тех годовалых телят ведут... да на бойню и ведут! Пипец, товарищи. Похоже, четвертая книжка так и закончится внезапно и трагически, зато не скучно. Суки, чтоб вы подавились котлетами из Жоры Милославского и Димы Жукова! Фуу, отставить котлеты, забивать нас пока не будут. Но ведь могут, я чувствую, как в воздухе разлился запах обреченности и крови. Тут так всегда.

Если кто-то смотрел фильм «Водный мир», он помнит тщедушного дедушку в фартуке и очках, который в трюме ржавого танкера замерял уровень бензина. Вот этот дедушка и вышел к нам из полусумрака цеха забоя скота. Только он был бабушкой. Маленького росточка, в больших очках и платке, в клеенчатом фартуке, она несла кувалду в сухонькой ручке так, словно забыла про неё.

– Солдатики пришли, вот хорошо! Поможете тут, а то не справляюсь.

– А чем помочь, бабушка? Показывай.

– Ага, пойдете со мной.

На Бабу-Ягу она вообще не походила, не было в ней сказочной злобы, опять же нос не крючком и нога не костяная. Наверное. Просто уставшая старушка-колхозница, вынужденная везде таскать кувалду. Мы вот в пилотках, она с кувалдой, что такого... Мы подошли к узкой загородке, в которой стоял привязанный бычок и всем видом показывал, как ему тесно и неудобно. И вообще, он бы уже пожевал чего.

В принципе, я его даже понимаю. Но пожевать нет, жевать тут не хочется. Я в Советской Армии два месяца, а есть не хотелось два раза: тогда в ресторане, когда пообедал, и тут сейчас.

– Вот так кувалдочку двумя руками берете, отводите с поворотом, а потом прямо в лобик вот так, э-э-ээх! Грехи мои тяжкие. – Кувалда в руках старушки совершила стремительный рывок и с тупым звуком столкнулась со лбом бычка. Тот этого не пережил и молча осел в загородке. – Всё понятно, ребятки? Только смотрите, не промахивайтесь и бейте резче.

Бабушка-божий одуванчик повернулась к нам, рядовой Жуков понятливо кивнул и завалился на бок.

– И этот сомлел, малохольный. Ты хоть не того, не упадешь?

– Не-е-е. Я нормально.

– Вот принес бог помощников. Чем председатель думал, не головой поди, жопой думал. Солдаты, говорит, помогут. Ты, говорит, Васильна, не сумлевайся, эти точно не сомлеют. Грехи наши тяжкие. Он хоть заводит бычков сможет? Иль совсем неudelный?

– Он москвич.

– Тьфу, прислал бог помощников. А ты?

– А я туляк.

– Да я, милай, не про это. Ты сможешь бычков валить?

– Так чего не смочь, чай большой уже.

– Ага, я и смотрю, большой, а без гармошки. Тащи уже

его на ветерок, большой. Да не бычка, сотоварища сваво.

Не знаю, что она там увидела во мне, но бычков валить меня не поставили. Я вообще подозреваю, что этот цирк колхозники нарочно устроили, чтоб мы не возмущались на другом фронте работ. Мол, сами отказались в забое работать, так что выгребайте навоз. Крестьянин, он или хитрый, или сильно голодный. А тутошний крестьянин сильно не любит голодать. Крестьянин тут всё больше сытый живет. И какое совпадение, в этих местах черных копателей не водится. Тут другое правило – не ты прикопал, не тебе раскапывать. А раскапывают, видать, регулярно, чтоб смазку поменять и снова уложить на хранение. Анекдот такой даже есть:

– Петро, шо это у тебя грядка пожухла?

– Та морковка клятая масло не любит.

– Так водой поливай.

– А воду пулемет не любит.

Анекдоты травить дело хорошее, а навоз сам себя из коровника не вынесет. Стоп, а почему нет?

– Народ, а чего у вас конвейер простаивает, пока солдаты надрываются как рабы на галерах?

– Особенно ты надорвался, я нэ бачив, як ты робыв.

– А если серьезно, почему не включаете?

– Включив один такой, потим рожу от гари отмывав. До нас цею гармату привезли, а подключить забув чи нэ успив. – работяга произносил слова так, что невозможно было понять, какая буква на конце слова, не то «В», не то «У». По-

лучалось как у британцев.

– Да хорош брехать, Поломарчук, брешешь и брешешь! Скажи, председатель за подключение платить не захотел, мол сами подключим. Вот и стоит. Сами с усами, да без портов. – резкая какая тётя, уж не знаю в какой роли обретаётся тут, но палец ей в рот не клади. Да тут и не принято, небось, тетям в рот класть пальцы.

– И всё? Так может, я вам её подключу в порядке шефской помощи колхозникам от бойцов Красной Армии. Поломарчук, ты Красную Армию какими цветами встречал?

– Я запомню. Шо сразу Поломарчук? Чи других нэ мае?

– Солдат, а ты языком молотишь или по правде соображаешь?

– Правда, правда. Ищите плоскогубцы, нож, отвертку, изоленту, если есть. Лампочка с патроном есть? Несите, и проводов каких-нибудь. Жуков, ты в трехфазке шарить? Понял, будешь патроны подносить.

Тут главное – верный расчет. Я или смогу подключить привод конвейера, или не смогу, но провожусь до конца рабочего дня, а потом умою руки – обмотка погорела. В любом случае, в навозе возиться не готов. Мне проще бычков валить, но не доверили. Бычок, он не собака, у него глаза не такие жалостливые. Молчу-молчу. Что бы я без Димона делал? То же самое, что и с ним – трехфазник подключал. При подключении треугольником вариантов не так много, неправильное подключение не грозит аварией, просто мотор

будет крутиться медленно и не туда. Работы на час с учетом того, что проводку вешал и крепил. Но я был не один, справился за три часа. Торжественного пуска и перерезания красной ленточки под оркестр не организовывал, просто показал сотворенное чудо скотнику, он сбегал за бригадиром, тот еще за кем-то... Праздник не праздник, а народ радуется. Лампочка, которой я тестировал напряжение, тоже в дело пошла – повесил над приводом, чтоб в темноте люди не шарились. Самое приятное – меня за всё время ни разу не сданило током. Может в этой жизни шрамов поменьше будет на руках...

Наступило время получать плюшки за проделанную героическую работу, но у колхозников такой временной формы не оказалось. Или плюшек не напекли. Или напекли, да для себя. Когда перед отъездом бригадир сказал спасибо за труд и попросил, чтоб командование и в следующий раз присылало таких грамотных помощников, я высказался:

– Такие грамотные к вам больше не приедут, ваше спасибо не то, что не булькает, оно даже салом не пахнет. От вашего спасибо говнецом коровьим несет. Прощевай, дядя!

– Ну извиняй, москаль, что сало тебе украинское не по душе оказалось. Чем богаты. Сала им, еще чего придумали. Сели на шею и погоняют.

С другой стороны, если тебе кусок хлеба без души предлагают, то хоть он с икрой или салом, пользы от него не будет. Обойдемся без их сала. Надо было вместо пришлого Жуко-

ва местного Иванца с собой брать, чтоб вопросы подкормки растущих организмов решал. Но как вышло, так вышло. Опыт не пропьешь, накидал в машину побольше сена на пол, хоть сена не жалко.

– Жорж, зачем нам сено в машине?

– Парни, объяснения потом – таскайте!

Нас в колхозе четверо работало, еще двое на другом участке, судя по лицам тоже кисель не хлебали. Мягкое душистое и совсем не колючее сено превратило пол фургона в благоухающую перину – благодать!

– Жорж, классно придумал!

– Бойцы, всё уже придумано до нас. Нам только одно остаётся: не ленись, пользуйся.

Полчаса сна в качающейся скрипящей и баюкающей шаланде прервались внезапно. Сам не понял, что меня разбудило, но сделало оно правильно – пора была просыпаться. Я вместе с сеном сполз совсем назад, дверь услужливо распахнулась, и в момент пробуждения ноги уже изрядно свисали вниз. Эдак можно не только сапоги потерять, так и самому потеряться можно. А потом начнут всякие мистические истории рассказывать про солдата, исчезнувшего в сене. Бдительность отважного бойца помогла всему отряду вернуться с задания без потерь, ура!

А ночью на нас напали. Кто? Понятно кто, темные силы. В Советской Армии такое бывает: спишь себе сном младенца, маму с пирожками во сне наблюдаешь, и вдруг за полчаса

до подъема: «Тревога!» И все срываются с коек, без суеты одеваются, получают оружие, выбегают на улицу строиться, а уже там застегиваются на все пуговицы и ремни с шей на пояса перевешивают. Пресловутых сорока пяти секунд хватает на всё. Особенно, когда солдата с вечера предупредили и он в штанах спит. В этот раз тревога оказалась учебной, как и все прочие разы. Бойтся враг нападать, наша армия непобедима. Может и бывают где-то совсем внезапные тревоги, но не сейчас. В этот раз приехал какой-то генерал-майор из штаба округа, а такие персоны не умеют неожиданно появляться, концепция не позволяет. Красные лампасы, фуражка-аэродром, какие бывают только у генералов и прапорщиков, свита. Вот и стараются, показывают часть лицом, а не тем, что там обычно. В столовой полный фарш, не в том смысле, что накормили вкусно, а в плане сервировки. В этот день на обед выдали вдобавок к ложкам еще и вилки со столовыми ножами. Народ уже отвык, одичал. Кто всё ложкой наворачивает, кто вилку взял в правую руку – позорище! А нам до лампочки, лучше бы вторую котлету дали вместо вилки.

В таких мелочах пролетела еще неделя и лето кончилось. Работаем по распорядку в боксе, изучаем мудреную и сложную боевую технику. Вот нафига было так навертеть? Скорость цели указывается в метрах в секунду, да еще и уменьшается в десять раз, а всё для того, что хватало двух цифр и двух ячеек индикатора. То есть тысяча км в час – это два-

дцать восемь. Высота цели дается в километрах и тоже указывается в десять раз меньше. Пол лаптя плюс, пол лаптя минус. Но главное не удобство персонала, а чтоб попадала. А с этим проблем нет, про учения на полигоне нам рассказали – цель сбита тремя ракетами из трех запущенных. Сержант Глодан, если не врет, как раз в телеустановку смотрел и видел, как первая ракета развалила мишень, а две другие сделали горку и тут же разметали обломки. Триста процентов успеха.

В середине сентября ударил первый заморозок, как-то неожиданно. Я думал, тут сентябрь – это еще один летний месяц, а оно вон как пошло. Или просто год такой? Изучаем материальную часть путем протирки брони соляркой. Так-то машины чистые, но чуток запылились, непорядок. Вдруг крик, суета... старлей наш пожаловал. Даже не пожаловал, а прискакал: «Я вам вчера приказывал воду в радиаторы залить! Залили?» В ответ тишина и готовность слушать дальше. «Я вас еще раз человеческим языком спрашиваю – воду залили в технику?! Чего молчите? Черновалюк, твою бабушку! Кто организовывал заливку воды в радиаторы?» И тишина в ответ, никто не готов докладывать, что забыли или забились. Ну не сошлись звезды, не судьба. «Ребята, просто скажите, что не заливали, вам ничего не будет» – Завгородний решил нас подтолкнуть на признание. Ну да, не залили по ряду причин. Завгородний резко остыл: «Слава богу, и не надо было. Ночью захолодало, могли радиаторы попортить».

Дык, в ПВО служим, «Погоди Выполнять, Отменяют».

Секретарь комсомольской организации позвал меня к себе прямо после утреннего развода, и опять по телефону. Блин, а я так хотел изучать материальную часть боевой машины. Кстати, комплекс пока секретный, нам всем по окончании службы в армии обещают ограничения по выезду за границу на три года. Особо никто не расстроился почему-то, видимо народ не планировал посещать Мальдивы и Кубу в ближайшей перспективе. Вызвали, надо идти, вдруг что интересное расскажут.

В кабинете Прокопенко сидел товарищ в капитанских погонах с черными артиллерийскими петлицами, как у большинства местных служивых.

– Милославский, с тобой хотят пообщаться из комитета госбезопасности, ну да тебе не привыкать общаться с органами. А я пока пойду по делам, чтоб не мешать. Знакомься, капитан Онегин.

Глава 7. Разговор

Когда дверь за главным комсомольцем части закрылась, Петр широко улыбнулся:

– Ну здравствуй, рядовой Милославский. Вот ты какой стал.

– Здравия желаю, товарищ капитан! Категорически раз знакомству.

Онегин замолчал, ненадолго задумался. Жорка еще подрос, стал форменным бугаем, только стройный пока по возрасту. Но это пройдет, заматерееет, шкафом станет, видно по нему уже сейчас. В глазах пропала озорная подростковая смешинка и веселость, осталась наглость и бесшабашность, которых и раньше было завались. Монстр как есть, точнее хищный котяра, которому мало задушить, сначала дай поиграться с жертвой. И ни стыда, ни совести. А спроси что, начнет с комсомольским задором доказывать, что черное это белое, только слегка наоборот. С таким характером самое оно карьеру делать, так и этого не хочет шельма. Что ему рассказывать и надо ли? Может, он и так всё ЗНАЕТ, с него станется.

Почти три года назад, когда Онегин понял, что рассказы Милославского если и мистификация, то самая качественная, из тех врак, какие правдой оказываются. Как дезинформационная операция, когда противнику выкладывают насто-

ящие факты, чтоб он в них начал сомневаться и отбрасывать. И против кого тогда играет КГБ? Против Лукавого? Против Мироздания? Так можно было доразмышляться до чертиков и зеленых человечков. Как комсомольский функционер Петр в эти бредни не верил, а как старший лейтенант Комитета Госбезопасности в резерве, он поделился своими размышлениями с начальником. Без раскрытия источника, но с конкретикой. После смерти Андропова, когда уже не мог отмахиваться от своей совести. Полковник КГБ тоже впал в задумчивость и даже невзначай подтвердил рассказ Милославского о факте перестрелки в центре Москвы между спецгруппой МВД и заслоном КГБ перед домом своего бывшего председателя.

Начальника не очень волновали моральные терзания подчиненного, разве только в плане работоспособности и пользы делу. К счастью, дело у них было одно – Родину защищать. Предсказания о гибели СССР, а информацию восприняли как предсказание, тщательно обработали, особенный интерес вызвали факты о месяце, проведенном Горбачевым в соседней с генсеком палате. Подтвердилась и связь Чазова, наблюдавшего всех умирающих вождей, с лысым членом Политбюро. Лысых там было много, но Меченым был только один. А уж наводка на заграничные счета четы Горбачевых оказалась прямо золотой, как банковская карта. Когда прозвенел звоночек о подготовке делегации в Лондон и четкое указание из Англии на главного участника переговоров,

звезды не просто сошлись, а встали на свои места с характерным щелчком, Луна была в Меркурии, а боёк смотрел точно на капсюль. Это был третий звоночек, после которого автомобиль, везущий несостоявшегося генерального секретаря и его жену на дачу, попал в смертельное дорожно-транспортное происшествие... после тяжелой болезни. Спустя какое-то время и генерал Калугин немножко много выпил и не проснулся, что характерно, тоже на даче. Впору устанавливать запрет номенклатурным работникам на посещение дач.

Руководство окончательно решило, что дни Онегина как заведующего отделом ЦК ВЛКСМ сочтены, и вывело его из резерва. Ну и майора дали. Петр был очень рад, что во всей этой катавасии он остался без ордена. С начальства станется, вручат посмертно за вклад в дело защиты завоеваний, чтоб не болтал лишнего. С другой стороны, он свой источник не сдал, игра с Мирозданием не окончена. Вот вопрос – Жору в конторе вычислили и ведут или нарочно решили не вскрывать во избежание протечки у самих комитетчиков? Или создают иллюзию, что не вскрыли? Или такой резкий призыв Милославского в ряды Вооруженных Сил и есть операция по вскрытию? Да, в арсенале рыцарей плаща и кинжала, главным оружием является как раз плащ, а не кинжал. Туман и дезинформация наше всё. Голова как опухла, так и не ссыхалась ни разу. Правильно руководство говорит, тут не рыбалка, подсекать надо не когда кажется, что надо подсекать, а когда надо на самом деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.